

Владимир Данилушкин

*Покурить
оленя
в Гарманде*

Ироническая проза

Владимир Иванович Данилушкин
Покурить оленя в Гарманде.
Ироническая проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19488881

ISBN 9785448303586

Аннотация

Эта охватывает большой период жизни современной Колымы, Магадана – самого молодого города Дальнего Востока, прославившегося золотом, рыбой, уникальной суровой природой, людьми – неисправимыми оптимистами, легкими на подъем, умеющими прийти на помощь.

Содержание

Глаза зимы	5
Склерозов и другие	95
Клевета	95
Не верь носу	98
Сильнее смерти	99
Мир и кулак	102
Имидж всегда с тобой	104
Больше жизни	107
Нежная душа	110
Пиво на халяву	118
Болезнь на букву С	123
Упсовый Пафнутий	134
Прогулки по Магадану	142
Шампанское из изюма	142
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Покурить оленя в Гарманде
Ироническая проза
Владимир Иванович
Данилушкин

© Владимир Иванович Данилушкин, 2016

© Расул Месягутов, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глаза зимы

О погоде и природе

От тюрьмы и сумы

От зимы не зарекайся

☉Из песни слово не выкинешь, особенно если та без слов, а музыка колымской песни застывшая, как обычно называют архитектуру. Ну, да, улица Портовая в декабре, творение заключенных архитекторов, как и весь наш холодильный холдинг, – Магадан – будто бы выстроена изо льда. В школах наши особо одаренные дети сидят в пальто. 199* год. Температура 6 градусов тепла. Урок сокращен до получаса. Угля осталось на 20 дней, мазута на два, а танкер сел на мель. Такая вот музыка. Как заметил поэт, поющий айсберг. Правда, строго говоря, тогда должна слышаться лишь одна шестая часть песни: «Ой! Моррроооззз!». А вы что выбираете у айсберга – вершки или корешки?

Температуру можно определить, не выходя наружу. Если в кухне низ окна затянут до половины – это минус 20, если все окно – минус 30. Характер рисунка не меняется всю зиму. Например, в прошлом году сохранялась композиция «бычий цепень». А нынче – пальмы, и я догадываюсь, чем вызвано обращение художника Мороза к размашистым формам: сам ведь отмывал стекла синей жидкостью – нитхино-

лем, машинально вырисовывая губкой эти невидимые до поры до времени листья. То есть был соавтором витража. Будь смелей, папуас!

Если идешь быстрым шагом по улице, и в течение получаса заледеневают колени, то это минус двадцать, а выше колен – соответственно ниже градус. Можно нарисовать на бедре шкалу температур. Я уж молчу о легендарных сусуманских холодах, на них никаких бедер не хватит. Подумаешь о них, – так в южном морском Магадане сразу дышится легче.

Вообще-то на морозе, когда четыре бухты Охотского моря закованы, кристаллики льда оседают на деревьях, а не на легких, перестают драть бронхи наждаком. Особенно если бросил курить. А если бросил, тут же тебе навязывают привычку жевать резинку. Жвачка «Зимняя свежесть». А зачем она мне? И без жвачки зима с ее свежестью тянется как резина, не кончается. За тридцать лет зимних месяцев набегает, по меркам средней полосы, на столетие. А из летних магаданских дней невозможно скроить ни одного нормального лета. Иначе говоря, никто не догадался вместо выслуги лет ввести выслугу зим.

☺ Тут, кстати, одна почтенная магаданка высказалась, что Москва крадет у нас все, в том числе и холода: в метеопрогнозах на всю Россию никогда не звучат наши шестидесятиградусные морозы, зато все брызгали чернильной слюной, когда в Сочи в кои веки выпал снег. Правда, никто не поду-

мал связать снегопад с приездом в южный город магаданских студентов на КВН-овский фестиваль. Это была самая смешная их реприза. Как если бы в разгар колымских, за 60, морозов читать стихотворение из хрестоматии: «Мороз десятиградусный трещит в аллеях парка, а мне-то очень здорово, мне на морозе жарко». Где-нибудь в Ярославле их «моржи» открывают сезон, когда у нас уже два месяца лежит снег, и ни слова о наших любителях купания в морской воде, самой холодной, поскольку она соленая. Солоней, чем в Балтийском.

☹ Когда я впервые приехал в Сусуман, утром выглянул в окно: парит. Наверное, оттепель, – подумал. Ну да, – оттепель, отвечают. Если парит, значит, минус пятьдесят. Потеплело. Нечто большее, чем мороз – Оймякон, где градусо-вые шестидесятники. Иной раз дохнет на Магадан антициклоном, при которых температура в городе до минус 38 градусов доходит. Но не каждый год.

В Магадане все не как у людей. Иногда самым холодным месяцем становится не декабрь, а март. Три раза в десять лет. Охотское море замерзает, и магаданская приморская зона приобретает черты континентальности, холод идет из Якутии. Оймякон-мякон, не мяконь меня! И гораздо милее циклоны, которые во Владивостоке, на Сахалине, на Камчатке засыпают снегом улицы слоем выше человеческого роста, в Магадан докатываются, ослабев, и теплят воздух влажной теплотой предбанника. Трогают кончиками пальцев, а с другой стороны жесткая хватка антициклона. Есть выбор. Тогда

уж лучше циклоны, от них больше пользы, чем вреда. Вот и крещенские морозы аномальные в 2003 году – теплая лыжная пятиградусная пора. Из Берингова моря привет.

☹ В последнее время стало обычным объявлять спонсора прогноза погоды. Отдельно за градусы, отдельно за метры в секунду. Воздух пахнет ванилью. Никак, кондитерская фабрика «Красная жара» стала спонсором? Или известный ресторан заказал погоду? А возле него потеряна связка ключей, которую просят занести на вахту телевидения, и найдено два трупа. Зато вежливый вышибала. Вам в табло или в бубен? А может быть, в хлебало? Пожалте с бала.

Как-то это не впечатляет, хотя обещают оттепель. И ведь не боятся, что погоду предсказывают плохую, и негатив на спонсора проецируется. Вот если бы спонсором был офшор на Кипре, да бартером, бартером!

☹ На лазерных дисках записаны уже звуки моря, леса, пенье птиц, но я ни разу не слышал музыку снега. Как он визжит под тонким алюминиевым каблуком-шпилькой, поет под полозьями детских санок и лыжами магаданки, олимпийской чемпионки, тяжело хрустит под сапогом часового и мягко похрапывает под пимами сторожа на недвижимом морозе! Размер ног, разница температур, плотность снега, его свежесть и влажность – все вносит неповторимость в это звучание. А сход лавины, шелест мокрых снежинок, неотличимых порой от звука дождя? На этом диске мне бы хотелось слышать похожий на небесный гром звук лопающегося под

напором прилива морского льда, ход наледи на колымских ручьях и звук таяния льдин в июне! В январе! И ветер, ветер! А дождь! Град! А капель! Падение сосуллек!

Кстати, работа струйного принтера частенько напоминает наш ливень, а когда системный блок напрягается под непосильной задачей, изнутри него, с винчестера, доносится звук, похожий на гроыхание железной крыши от падения пригоршней града. И это лишь вершина айсберга, – шепчет в уши.

Одного магаданского писателя спросили, почему он для своих произведений выбирает дождливую погоду. А кто ж ее выбирает, – ответил он. Другой не имеем.

☹ К холоду привыкнуть невозможно, приговаривает мой приятель, – ныряя в прорубь в бухте Нагаева. Приписывая эти слова Амундсену, он делает ироническую мину при плохой игре на костно-зубных инструментах. Вот если бы они, телевизионные знаменитости, от Сенкевича до Шпаро, совершив открытия экстремальных мест, где до них люди живут, уже пять тысячелетий, поселялись на белом географическом пятне хотя бы лет на двадцать пять, – тогда бы выкаляли о привыкании. Откуда, – спросите, столь значимая цифра миллениумов, если городу на берегу Охотского моря всего 60 с лишним? А пытливенькие дети на что? На уптарском карьере вместе с учителем переплюнули академиков: раскопали человеческую стоянку такой древности, каких на мировом Дальнем Востоке больше нет, – замечает в скобках экс-

тремал и опять бредит о своем. Может, здесь голые негрятки когда-то бродили? Тогда мы зимний пляж nudистов откроем и посмотрим, как вы запляшете вприсядку. Научим любить свободу.

Для начала следует оптимизировать потребление мороженого, которого теперь в городе сколько душеньке угодно. От американского «Блю бани», которое произносится некоторыми веселыми магаданцами как «Любаня», до магаданского с американским акцентом – «Сибирский суприм». От этого деликатесного продукта мерзнет желудок и пищевод, и скоро холод неудержимо вползает в остальные органы внутреннего сгорания. Летом, понятно, без проблем – подставляй округлившийся животик под солнышко и грей, но как быть зимой в холодной квартире? Откуда брать калории, чтобы растопить килограмм сладкой ледяной массы? Из пищи, что ли? Но желудок под самое горло забит непереваримой массой.

☹ На заре туманной юности довелось мне поработать в районной газете, на западе Сибири, и с той поры отчетливо помню инструктаж редактора о зимовке скота: организуя рейд бригады печати, следует первым делом проверить, как поят коров. Если холодной водой, то это подсудное дело. Простынут, – какое ж молоко? К тому же, на нагревание воды в желудке буренушки тратят жар собственного тела, что означает: прощай экономное расходование кормов, ведь тепло от переваривания сена обходится гораздо дороже, чем

киловатты со станции.

То же самое человек. Сначала согрейся кипяточком до испарины, а уж потом придвигай обед. И оставь в покое лимонад со льдом. Неплохо было бы установить в организме радиатор водяного отопления. Но и чай сгодится, честное слово. Особенно липовый, с медом. Какое, думаете, дерево является символом нашей страны, – березка? Некоторые считают, лиственница, как наиболее стойкая к загниванию, не с головы, как селедка, а с корня. А я думаю: липа. Все обожают липу, я тоже ее люблю, особенно лапшу из липы. Это теплолюбивое дерево растет даже за Полярным кругом. Уши от нее пылают, а от них и сам, как синьор Помидор, наливаешься горячей кровью. Особенно когда обдерут, как липку и заставят мочало жевать.

А еще как строка в песне – домашний любимец кот, прыгнет на плечи, вывернется, как белка в колесе, притрется к шее, приставит к губам носик, холоднее жидкого азота, и, в ответ на твой горловой простудный звук далеких чаек сыграет на крохотной гармошечке: «Лямурр-тужур». Тяжело вздохнет, как маленький человечек и снова по ледяному полу шастать в погоне за воображаемой мышкой. Зимовка кота – серьезное дело. Может и тебя согреть, только тронь мягкий тепленький животик. Если тот не набит ледяным, из холодильника, минтаем. (Зимовка мухи между рам – это ее личная головная боль.)

Мы понимаем четвероногого гурмана. Сами грешны чре-

воугодием. Как сказал поэт, – долбанина из чира – та, что ели мы вчера, из оленя строганина – угощение строгой Нины, друг на друга налегли, селезенку напрягли. Я на улице Портовой твоим взглядом арестован. И, конечно, заспиртован. Наливай покрепче чаю, за себя я отвечаю! Да не хлещи коньяк, ему же больно!

Зато летом на Портовой воздух пахнет портвейном со льдом и портером, – вспомни, но не задохнись! Так и хочется назвать ее улицей Портоса. А еще был замечательный поэт Португалов, незаконно репрессированный в сталинские времена. Вот бы и переименовать улицу...

☹ Некоторые отдают предпочтение химическим источникам тепла: нерпичьему жиру, свиному шпику. Или шпигу, для разнообразия. Можно сочетать горячий кофе и бутерброды с ветчиной, чай с селедкой. Или вот таблетки никотиновой кислоты, – от них в жар бросает, как в зерносушилку. Есть еще один подход – гормональный. Чтобы бросилась кровь в голову, бес в ребро. Ангел в лопатку. Удастся согреться посредством стыда, если он не утерян, ну, вспомнить, как Лидка с последней парты сказала, что ходит с Олегом, он у мамы не просит денег на мороженое, а водит девушек в кино и угощает холодным шампанским в буфете. Велика роль женского пола в сугреве. Посмотрит, – огнем обожжет. Не догнал, так нагрелся, как говорится. А если догнал? Ну, это вам пусть Хичкок опишет!

Мне, – говорит герой одного из американских фильмов, –

очень нравится, как из открытого крана завитками струится вода. Героиня возражает: да, красиво, но немалых долларов стоит. Надо ли удивляться, что через несколько минут расточительный супермен на поверку оказывается сексуальным маньяком, убивающим женщин и сдирающим у них кожу с лица, чтобы натянуть на себя вместо маски. А нам остается только реветь белугой, что Америка – не самая холодная страна, им бы поработать на магаданском материале! Открыть филиал их студии, назвав «Парамамонт». Какой ужас, когда в канализацию в поселке авиаторов жильцами были сброшены десятки тонн теплой воды из батарей – в надежде, что далее повысится градус! Кстати, есть английский фильм «Некоторые любят погорячей», названный нашими прокатчиками «В джазе только девушки», но... типичное не то, честное слово! Тут бы сериал снять, – про Федю Крюгера из короба теплотрассы плюс семь коробов фэнтэзи и столько же экстазе. Документальные кадры об аварии в Москве тоже повергают в шок. Там трубу прорвало с кипятком в сто двадцать градусов. Пострадали люди. Жалко. Но все равно завидно. У нас температура в трубах вполтину меньше.

☺ Фантастикой кажется бытие наших предков, которые, поработав день на морозе, приходили в натопленную избу, хлебали миску-другую горячих жирных щей и блаженствовали. Северяне от рождения, чукчи, додумались выстраивать меховой полог в яранге, где жарко становится от тепла одной лишь горячей свечи. Выход прекрасный, если найдется хо-

тя бы один свечной олигархочек. Неплохо было бы поставить в комнате небольшую ярангу, растянуться на шкурье, а под бок резиновую буржуйку Зину из секс-шопа, с электроподогревом. А если уж по бедности, тут как-то надоумили пластиковые бутылки из-под колы кипятком наполнять и к ногам. Часов пять тепло держат.

☹ Конечно, эти пластиковые сосуды не без умысла иностранцами внедрены в наш быт: их можно вторично использовать только в мирных целях. «Коктейль Молотова» в случае военных действий не нальешь, ведь пластиковая бутылка не разобьется от столкновения с танковой броней. Это удар по бичам, живущим от стеклотары. Сбор нормальных бутылок в прежние времена давал калорий больше, чем вся вместе взятая гуманитарная помощь.

Возможно, здесь кроется и посягательство на менталитет русской нации. В Кремле есть Царь-пушка, Царь-колокол, что ж, настала, видно, пора по конверсии выставить Царь-колу. Или повесить на колу.

Впрочем, был Кола Бельды. («Увезу тебя я в тундру», помните? В Хабаровске похоронен.) А кто-то продолжает помнить и газировку «Колокольчик». Маленький братец колы. (Кстати, весна 2002 года опровергла предположения насчет боевого применения пластиковых бутылок. Рыбная мафия Сахалина забросала такими бутылками, наполненными горючей смесью, будто танк, квартиру генерала-пограничника, и подожгла фальшфейером. Генерал погиб в японском

госпитале от ожогов).

☉ Мой собрат журналист, не утративший умения работать не только языком, но и руками, приклеил герметиком стекла к рамам. Есть такой материал силикон, из которого в Америке ладят бюст порнозвездам. У них даже Силиконовая Долина есть. Мне она всегда представляется похожей на нашу Снежную Долину, где загорают на весеннем солнце, споря с белизной снега, белокожие наши, сугубо натуральные красавицы, приобретая вид марсианок. Глянешь на такую, и сразу тянет хлебнуть пива со свежескопченным балыком.

Одна из них как-то раскапывала снег, где, показалось ей, вился парок, держа наготове котлету, чтобы прикормить медведя, если таковой окажется в берлоге. Сопку ту они с мужем прозвали Пуп Контрика, имея в виду членкора по гельминтам с похожей по звучанию фамилией. Они в этом институте вырастают до размеров небольших змеек и удивляют телезрителей, твердо усвоивших, что на Крайнем Севере ни пресмыкающихся, ни земноводных нет в помине. А муж марсианки интересен тем, что не узнал Владимира Высоцкого в московском ресторане и говорил: «два штука пива».

Кстати, тут радио отвечало на вопросы слушателей. Один вопрос такой: «Могут ли лопнуть силиконовые груди в самолете?» Нет, они выдерживают давление 10 атмосфер. Понятно. А кто мне ответит, как быть ныряльщице с силиконовыми имплантатами? Не нырнешь ведь без гантелей. Впро-

чем, это не мужская забота.

До Магадана силиконовое новшество докатилось тоже, но в виде строительного клея. Покупаешь тубу, выдавливаешь тонкой сметанной струечкой, через часок застынет, будто грудью амбразуру азота заслоняя жилище от ледяного сквозняка. Я тоже так упакуюсь, если до следующей зимы доживу. (Недавно мне из Америки прислала е-мейл наша магаданка Катя: она как раз в центре Силиконовой долины живет с американским мужем, заделалась компьютерным гением, по части продажи интерьеров. Вы знаете, – сознается, родители мои по Магадану тоскуют. А вот я вспоминаю, и иногда мне даже кажется, что жизнь моя в Магадане была каким-то кошмарным сном, и это было совсем не со мной).

Женщины наши – двигатели семейной жизни, – смотрят глубже, подсказывают мужьям, откуда ветер дует и собака лает. Ты, мол, подоконникними. Снимает, в конце концов, и обнаруживается пустота меж панелями – глубокая, уходящая в бездну. Тотчас ее принимается обнюхивать с вздыбившейся шерстью кот. Так вот, стало быть, как мыши проникают в квартиру! В состоянии аффекта муж забивает в проран ночную рубашку, матрас и простыню. И тогда на следующую зиму впервые в квартире настанет тепло. И мыши не бегают. Ходят не спеша, по-царски. Возможно, насмотрелись мультфильмов про Микки Мауса, принимая их за чистую монету.

☹ 1995 год. Нет в городе ни одного помещения, где можно было бы согреться. Я бы недорогие рестораны пооткры-

вал, где бы наряду с горячительными напитками предоставлялись теплые отдельные кабинеты. Расслабился, разомлел. Жизнь! Теплая лежанка – кан – китайское изобретение. Кан или пропан. Не сдох, так пропал. Канкан – тоже неплохо. Хлеба и зрелищ! Опять же, горячая президентская линия открылась, говорят, здорово согревает, если дозвонишься. Только не надо горячих точек над i!

☹ Появилось в городе и такое новое развлечение, как зрелище еды. Культурный объект – танцплощадку в парке – превратили в базарчик. Хожу по нему, ритмическая тошнота накатывает кругами от торговца кассетами, от его утробной псевдомузыки так хорошо становится, что слеза прошибает. Может быть, лицемерие обильной и разнообразной еды – от колбас и пельменей до сладких соков и фруктов – действует столь горячительным образом? Глазами я наелся, вот и бросило игрой воображения в настоящий жар. Тетки, торгующие – профессора в психологии, в прошлом как минимум старшие экономисты: посмотрит красавица зелеными глазами – долларом подарит. Зачарует и приворожит, купишь раз и еще много-много раз только у нее.

☹ Когда писал эти строки, не знал, а теперь не могу молчать. Танцкласс поменял свой профиль. Хотели там цирк открыть и зимний стриптиз. Собачьи бои было замахнулись устраивать, тоже горячат кровь. Мэр не разрешил. Крытая автостоянка была. Машины в тепле заводятся с полуоборота без паяльной лампы. Так вот вытанцовывается. Самба-рум-

ба, самбо-карате. И вообще у нас теперь отопительный сезон начинается вместе с театральным. Бенефис начальника Теплосети.

И еще одна приписка: стоянка снесена, на ее месте строят крытый каток с искусственным льдом. Президент помог. В 2012-м году немало усилий было потрачено, чтобы подготовить к запуску установку для производства искусственного снега на горнолыжке. А то спортсменам надо заниматься, готовиться к рекордам. Ребяшня опять же. И тут эвенские шаманы принялись камлать. И такой повалил снегопадище! Ну и правильно. А то на Колыме – да искусственный снег. Потепление климата происходит – за сорок лет убедились мы на собственном теле.

☹ Но вернемся к нашим дубленкам. То есть, баранам. Мерзнешь, весь день в офисе, приходишь домой – как в трехкамерный холодильник – и не можешь согреться под тройным одеялом, в четвертом измерении. Сегодня в результате прогулки убедился, что я старый, некрасивый, капризный, слезливый человек, плохо одетый и неопрятный, без внутренней требовательности к себе и к миру. Семья в отъезде, утешить некому. Закрываешь две комнаты, чтобы отапливать самую маленькую. Включаешь обогрев – пластиковую плиту с вмонтированными в нее невидимыми проводками, и вместе с теплом приходит угрызение совести, что слишком дорогое это удовольствие: 250 дензнаков в месяц просаживаешь на энергию. Сколько можно было бы на эти деньги горя-

чительного купить! Согрев и кайф одновременно. И что характерно: если покупать водку местных производителей, то здорово поддержишь бюджет – лишний центнер угля купят на твои личные сбережения. Лучше бы уж тогда наладить производство крэка в пользу бюджета, – подсказывает одна сомнительная фигура из группы риска. Шутка! Ну, за такую шутку иди-ка ты, сам знаешь, куда – в Колумбарии!

☹ Может быть, нам стоит забыть о тепле, переключиться на холод? Чем богаты, тем и рады. Устроить культ снега и льда? Странно, что никто из магаданцев не додумался давать нашим долгим зимам имена, как поэт Давид Самойлов: «У зим бывают имена. Одна из них звалась Наталья. И было в ней мерцанье, тайна, и холод, и голубизна...» Вон японцы величают свои тайфуны, как женщин. И это правильно. А мы что же, разве не гордимся женщинами и снегом, нашим достоянием? Ни одной зимы не бывает в Магадане без двух, а то и четырех крупных метелей. Ветер дует такой, что срыгает шапки с голов, прямо в руки злоумышленников, куски шифера с крыши, а одну немолодую женщину утянуло под грейдер, и она погибла.

У Татьяны, заочной студентки, был аквариум на 300 литров. Рыбки, чуя такой простор, выросли с ладонь. В холодную зиму, когда город был на грани кризиса, они жались к обогревателю. Воду грели в чайнике и лили в аквариум. Но не спасли.

Крокодил в зоомагазине сильно мерз, буквально прижи-

мался к калориферу, а большие американские тараканы облепляли самого крокодила, насыщаясь его живым теплом. Он их ловил, клацая мощными челюстями. Тараканы тоже были выставлены на продажу. Якобы от них большая польза: они изгоняют из квартир рыжих местных тараканов.

На морозе хорошо книгами на базаре торговать. Если есть клопы, они вымерзают. Вот пьеса Маяковского «Клоп». А кто это из книги выползает, красненький? Кстати, для продолжения темы, надо и про шмотки сказать. Какие-то вошки погибают, покраснев, как вареные крабы, а кто-то из них моржует, закаляется, вместе с хозяевами, бичами.

До сих пор старожилы помнят случай, когда заплутали в пригородной зоне лыжники, и молодой человек замерз, спасая девушек.

Один романтик ушел на охоту, в зеленую зону Магадана. Хватились – нет человека. Посмотрели по данным: молодой. А ему за 50, два инфаркта, третий в лесу настиг. А сколько не смогли, обессилев, без штопора раскупорить бутылку «Особой московской», вскрыть железными зубами консервную банку! Немало жизней унесли во время оттепели гибельные лавины! Даже три тонны мокрого снега валят человека с ног и обволакивают непроницаемой для дыхания массой. А тут десятки тысяч тонн. Иногда специально обученные люди сбивают снежные навесы из орудий, да где столько напасешься снарядов! Не надо лавины, хватит и половины. Между нами: не надо и цунами! Но они бывали, достигали

в Нагаевской бухте, придя из Чили, метрового роста.

☹ Кстати, о японцах. А ведь мой дом на проспекте Ленина как раз строили пленные второй мировой войны. Сейчас скажи кому, так международного скандала не избежать. Такие щели, такое некасание стекла с оконным переплетом! Где же ваше хваленое японское качество? А еще хотят исторический центр города законодательно объявить архитектурным заповедником. Отцы и отчимы города. Жаль, я не борец за права человека, а то бы подал иск в международный суд на возмещение морально-материального ущерба. Вернитесь и переделайте, бракоделы! Автомобили возвращаете на завод, устраиваете абгрейд? Вот и дома подшаманьте.

И в Международный трибунал по защите прав животных тоже стоит обратиться. Кот в поисках тепленького местечка прыгает на телевизор «Шарп», потом на видеоплеер «Панасоник». Слов нет, любит передачи Затевахина смотреть, особенно про птичек, но не одобряет, что телик только светит, ничуть не грея. А делали бы японцы электронику в северном исполнении – не пришлось бы включать тепловой вентилятор «Электу».

Очевидного не видят, а ведь наладились ветераны бывшей Квантунской армии приезжать в Магадан, к могилам умерших в плену сотоварищей, совершать над ними погребальные обряды. Один деятель по-русски довольно сносно изъясняется. Подарил бывшему (не скажу, кому) автомобиль высокой проходимости. А ведь этот господин не жил в доме, по-

строенном японцами. Обретался в новом, где мусоропровод. Нет, вовсе не переодетая милиция. Обычный мусоропровод, а черви в нем завелись не простые, а чемпионские: до третьего этажа по стенам доползали. Возможно, какой-нибудь экзотической рыбалкой увлекался. Сейчас-то он в столице, а там батареи – не притронься, с открытыми окнами спят. Он все говорил о градообразующей отрасли, ни разу не упомянув о главном: о тучах, именно из них и падает, крайне редко, град.

Наши строители, не пленные, хорошо оплаченные, старались, быстро делали, завоевывали знамена в соревновании, премии, ордена, а стены такие тонкие получались, что снежная пыль пронзает их насквозь, как марлю, кровля почти в два раза тоньше положенного, дождь на третий год просачивается беспрепятственно до первого этажа. Конечно, у японцев окна и стены из бумаги, но там и зима, небось, один день длится, икебана мать, японка отец. Да и ихняя рисовая бумага и впрямь все стерпит!

Не думайте только, что я как тот веселый старик, который в честь юбилея победы над Японией порубал шашкой в лапшу телевизор «Шарп», видеоманитофон «Хитачи» и автомобиль «Тойоту». В юности я даже любил своеобразную поэзию японских трехстиший и пытался им подражать: «Черной лапой кошка трогала тишину. Следов беззвучная дорожка к утру застыла на снегу».

В названии денежной единицы йены мне до сих пор слы-

шится отдаленная йенка-ленка, танец такой модный, когда берешь девушку за талию сзади. И до сих пор не могу отделаться от ощущения, что театр теней «Кабуки» и месторождение золота «Кубака» имеют таинственную, не только на уровне созвучий, связь. У них там все действие в масках происходит. Так это и у нас входит в привычку. И бандиты, и спецназ, не говоря о лыжниках и передачах телевидения. Наденет маску и смело шпарит, невзирая на лица, компру выдает. Только глаза сверкают. Ансамбль чукотский выступает без масок, но всегда в перчатках, точнее, рукавицах. Почему, спрашивает любопытный юный зритель, и тут же сам себе отвечает: мол, чтобы отпечатков пальцев не оставлять.

Есть питательные маски из ромашки, огурцов и разнообразных ягод, к которым прибегают наши красавицы для захвата пожизненных заложников. А то мода пошла, наносить мокрую глину на тело и лицо, а когда засохнет, сшелушивать, якобы омолаживая кожу. По крайней мере, образное название косметики «штукатурка» приобретает и прямой смысл. И вообще некоторые альтернативные умники считают, что и Лермонтов свой «Маскарад» написал не без влияния театра масок, не говоря уже о скульпторе Эрнсте Неизвестном с его многотонной «Маской Скорби» – памятником эпохи, в ногу с которой следовало шагать таким образом, что шаг влево или вправо считался побегом.

☺ Я, когда только поселился в Магадане, распадок на Марчеканской сопке, спуск к рыбному порту, называл на япон-

ский манер садом камней, ну в чей-то огород, за пазуху. Покрытые лишайником, они болели или цвели, вдохновляя. О, Дальний Восток: эстетика мха и булыжника, возлюби своего ближнего! На берегу ручья мы в компании с ветераном войны Иваном Дмитричем жгли костерок и варили бульон, заправляя листьями иван-чая. Узнавал азы. Кедровый стланик, оказывается, нельзя пересаживать в иную почву, не приживется, это тебе не имплантация сердца! Лосось стремится на плавниках любви глотнуть хрустальной воды из родной речки! Оставить потомство и умереть, закрыв грудью невидимую амбразуру. По берегам любой нерестовой речки осенью белеют длинные рыбы тела, издали похожие на городские биты. Такая, брат, любовь летальная! И нечего огород городить! А медведям раздолье. Жирок на зиму нагуливают.

Осень – это когда дорогу тебе пересекает женщина с полными ведрами брусники. Хвоя лиственниц в конце сентября напоминает ежика, неудачно подкрасившегося хной.

☺ Но люди неизменно неизменны. Демократия их не облагородила. В смутные помойные времена повадились некие горячие ребята снимать с теплотрасс листовую алюминий и тащить в утиль. В морском порту обосновалась фирмочка, которая выдает темным личностям вознаграждение черным налом и везет цветной металлолом в Страну Восходящего Солнца. Черный лом тоже: чугунные крышки от люков, батареи отопления снимают наши сообразительные земляки, –

мол, все равно не топят! Против такого лома тоже нет приема. Кроме пунктов приема.

У нас в подъезде была одна батарея, – когда лопнула, ее тоже сняли, а новую не поставили. Ну и что! Все равно весь город у нас толпится, покурить забегает. Я им однажды чуть не сказанул: постреливают, мол. Пугнуть хотел. По счастью, сдержался. Поднялся к себе, сел за свой любимый гороховый суп. Вдруг в окно кто-то горохом сыпанул: тр-ррр. Спустя несколько секунд еще два раза: тр-ррр. Вот, думаю, умельцы какие! Наверное, из трубочек пуляют, как бывало в детстве, очередями. В окно выглянуть лень. Только вечером узнаю, что во дворе была перестрелка, и двое на джипах ранены. Братаноубийственная война. Милиция прибыла на место происшествия, а гильзы уже пацаны приватизировали. Следы на сувениры растащили. Подрастает смена. Тут уж не до джипу, быть бы живу!

☹ Ах, эти джипы: сев за руль, человек думает, что нет непроходимых дорог, и мчится по льду бухты Гертнера, наслаждаясь ужасом и восторгом своей жены, сына и соседки. Лед тонковат, – сточные воды сделали свое дело. Зима теплее обычного. Джип ломает источенный лед и опускается на дно, на глубину шести метров. Не скоро, но все-таки погибших находят. И рядом – автомобиль отечественного производства, узик, исчезновение которого не отложилось в памяти ни у знакомых, ни у близких. Много еще у нас непознаваемого в Магадане. Героизм причудливо сочетается с бес-

шабашностью, срывая башню.

Весна миллениума, июнь. Бухта Гертнера забита льдом под самое горло. Но не сплошным – ломанным. В службу спасения один за другим звонят обеспокоенные горожане, – благо, и до Магадана докатились мобильники, – мол, человек на льдине. Спасать надо. А кого спасать, – выясняется, это рыбак, бухту переходит в поисках клевого места! Не первый раз, кстати. Он как-то в колодец спустился, – чистить, так его тоже спасали. Понравилось это дело.

Несколько лет подряд в новогоднюю ночь к нам скребется, поскуливая, какая-то незнакомка. Робко звонит в дверь и воркует нечто нечленораздельное. То ли принца зовет, то ли слесаря. Бдительность и опасение за недостаточно вылизанный вид квартиры мешает ее впустить. Утром одна и та же картина, с маленькими вариациями: или обгорела дверь соседней квартиры, или стена расписана. Ну, описана, точнее. А красивая молодая женщина в дорогой итальянской дубленке, благоухающая перегаром дорогого вина и духов, спит на площадке, подложив пачку газет, излишек которых мы выкладываем за пределы квартиры. Вдруг, ни слова не говоря, просияв лицом, как от космического позыва, поднимается и уходит, надолго оставляя дорогие чарующие ароматы и необъяснимое ощущение параллельности мира.

Соседка как-то проговорила, что марсианка вообще-то приходит к бывшему миллиардеру из соседнего подъезда, некоторое время тот держал руку на пульсе, но не на том,

и у него еще коротенькое мужское слово на двери начертано. Жаль узнавать столь огорошивающие подробности, лишаться маленькой тайны. Жена, конечно, не скажет, но в ее молчании угадывался намек: к тебе или к сыну? И это тешило бы мое самолюбие, а теперь вот сплошная тоска. Соседка периодически навещает нас, чтобы перехватить одну-другую денежку: дескать, отдаст вечером. А теперь они с мужем в третий раз продают квартиру и уезжают, так и не завершив начатый десять лет назад ремонт. Кто же будет деньги занимать? Горячую десятку или сразу сотню юных бойцов? И куда денут пса Чипа, который всегда просит меня позвонить в соседскую дверь, возвращаясь с прогулки, но не упустит случая жестоко облаять в присутствии хозяина или хозяйки, чтобы показать свое рвение, доказав, что не зря грызет кость, которую презентовала моя жена?

☹ А вы мне про Японию. У них там, в Стране Восходящего солнца, вместо собак, не видали бы очи, томагочи, поскольку тесно живут, – ни территории, ни ресурсов. Ни стащить, ни слямзить, рогом упирайся, вкалывай до потери пульса. Вот народ, ловко устроились с национальной идеей. От этой безвыходности и страна богатая. Так любит приготавливать магаданский фермер, веселый человек Григорий. Вообще-то он хохмочками буквально напичкан. Этот заяц, – говорит, – свежий? Свежий: еще утром мышь поймал. А хочешь увидеть свой портрет? – И свиную голову показывает – для холодца. Собирается написать книгу о магаданских кра-

савицах. Как они без модных косметических средств поддерживают бодрость кожи национальной русской кухней, стройность стана и веселость нрава.

И еще он в Японии мечтает поработать. Дочку уже заслал, студентку, а сам надеется общий язык найти с землей: мол, если по-честному, то она и без слов поймет, никогда не обманет, если с ней в наперстки не играть. И еще он собирается допытаться, как будет по-японски «Один с сошкой, семеро с ложкой». Ведь палочками едят. Артистично всплескивает руками и заваливается на бок, и, поскольку этот разговор происходит на лестнице административного здания, скачивается на один пролет. Отряхивается, улыбается, – ничуть не ушибся, поскольку места надо знать, на какие падать.

☺ Кстати, опять о Востоке. Вернемся к нашим баранам и их новым воротам. Последний год Тигра в этом столетии открылся десятым снегопадом, таким обильным, что за раз выпала полуторамесячная норма осадков. Работы дорожникам – до середины февраля. В оные времена на снегоуборку привлекалось множество сторонней техники, людей, – прямо как в колхозе, когда всем миром картошку засыпали в закрома Родины, и 60 процентов ее сгнивало сразу, а тридцать чуть позже. Теперь сами управляют. В завершение снегострады, в конце февраля богатыри Зеленхоза выламывают на тротуаре до асфальта полуметровый утрамбованный слой. Приготовленные к дальнейшей транспортировке в пойму Магаданки снежные блоки лежат, напоминая свиное са-

ло с прослойками – сибирский наркотик. Только свинья эта должна быть величиной с дом. Белая прослойка – след снегопада, темная – бесснежный. Всего по пяти. Ну, и невольно, Господи, пронеси – всплывает в подмороженном мозгу свинка, болезнь такая, в ней переохлаждение играет немалую роль.

Мой просвещенный сын открыл для себя сало, вначале с бананами, а потом и просто с чесноком: оно, говорит, сил придает, не хуже американских амфетаминов. Определенную роль сыграло его общение с канадцами, которые сплошь украинского происхождения. Они приехали, чтобы помочь нашим не умереть с голоду рядом с крупнейшим в мире месторождением серебра.

☹ Однажды во время уборки снега в парке на свежую горку, выше второго этажа, забрались мальчишки. Отрыли себе пещерку, залезли в нее, а тут как раз грейдер! Запаковал бе-долаг так, что двое суток пришлось куковать, пока родители не ринулись по следу, подняв всех на уши. Ребята, между прочим, из испытания вышли без потерь, только проголодались, как волчата. Им пирожных принесли, конфет, а они, мол, – дайте хлебушка и колбаски!

Иногда в Магадане случается обнуление погоды, с оттепелью начинается новый счет игры стихий с человеком. Все дороги покрываются мылом, как загнанные лошади, воздух пахнет свеженамыленной веревкой, и машины, в основном японские, прозванные мыльницами, скользят, как коровы

на льду, тормозят, хватаясь радиатором за воздух, как рыбы. Навстречу им глыбы льда и снега, лишь отдаленно напоминающие автомобили. В голове четырехста тактов тишины, затем мучительные тысячекрипичные Паганини и дивизии барабанов, только беззвучные – как в немом фильме, звенящая глухонемота. И мысли тоже скользят, не в силах зацепиться хоть за что-то. Разговор глухонемого со слепоглухимым.

☹ Случаются и как бы малоснежные зимы: в год Кролика с тремя девятками голая земля хрустит на зубах, потрескивает мороз по коже, и одна надежда, что снегопады возьмут свое, хотя бы в мае. Но и в феврале немного накапало. А то пить нечего будет горожанам: Каменушка – речка тонкая, да и водохранилище Колымской ГЭС мельче обычного, а от этой станции основной энергопоток идет. Да Рождества была в городе черная земля, в 2003-м году, после того, как губернатора грохнули в центре столицы. Старожилы видели в этом зловещий символ, ведь такая же черная зима было в начале Отечественной войны.

Сидели мы, Камчатке завидовали: там как заметет, так три месячные нормы за день. Кстати, почему выше нормы все эти годы? Может, нужно повисить норму?

☹ Жизнь заставляет свободу любить, уважать то, что ранее было не ценимо, чего было выше горла, а теперь кот заплакал, а Москва нашим слезам, превращенным в гель, не верит, трансферт дает на север, но Кавказа.

Раньше вода горячая летом была. Чтобы отмыть тарелку, ведро кипятка, каюсь, тратил. Потом, в пору ее временного отсутствия, нагревал в тазике, чтобы одним махом привести в порядок гору посуды. Тогда еще не было в обиходе моющих жидкостей, которые при любой температуре работают. Берешь капельку и трешь резиновой губкой, ополаскиваешь – как поцелуй в губы! Прелесть! Стирка тоже упрощается с внедрением химии, а машина с автоматическим режимом производит нагрев до нужного градуса, полощет, – берешь в руки, и свежесть растекается на всю квартиру.

Как отмываться самому? Выливаешь в таз чайник кипятка, разбавляешь холодным, моешься губкой с головы до ног. Отмокаешь. Обрабатываешь голову. Можешь сполоснуться, обтереться салфеткой, но не обязательно. Так и тянет добавить что-нибудь вроде «Перец и соль по вкусу». Теперь и зимой-то в ванну некоторые спогляду погружаются. Отвыкли. Один ученый земляк скончался от сердечной недостаточности, когда принимал ванну. Теперь не с кем невзначай встретиться в книжном магазине, душевно поинтересоваться творческими прожеками и мечтами о инкогнитовой мерзлой земле, где еще не ступала нога доктора географических наук, земли, напичканной морожеными мамонтами. Мамонтенку Диме он имя дал! В честь ручья.

☺ Магадан не только свободу любить научит, но и заставляет вы зубрить школьный курс физики, все про гигакалории, киловатты, чтобы навскидку знать, сколько лошади-

ных сил, литров спирта и тонн баксов заключается в тонне угля. Некоторые пытаются угадать, когда весной отключат горячую воду и радуются каждому продленному дню. А ведь на самом деле никакой мистики: если Колымская ГЭС отряхнулась ото льда и готова заработать в полную силу, то и ТЭЦ в городе можно ставить на прикол.

В городе, на берегу Нагаевской бухты, тоже бывает жара, за 30 с лишним лет наблюдений наберется дней десять, когда окружающие сопки как бы выстраивались перед изумленным взором друг за другом в легкой дымке, пейзаж становился многомерным, с передним, средним и дальними планами и словно двухэтажным. Если быстро ехать на машине с закрытыми стеклами, можно вообразить, что ты в Крыму. А если добраться до соленого озера, на пути к Армани, то можно искупаться, не будучи моржом. Озеро это в непосредственной близости от моря, вот соленая вода и проникает в него, а солнце нагревает. Только опасно там: тонут люди, их течение от берега фатально относит.

☺ И тогда, на Соленом, не раз, во всяком случае, более одного раза испытаешь счастье от магаданского климата, ведь как бы ни припекало солнце, как бы ни мучила жажда, – если нашел на морском пляже поутру местечко, защищенное от ветра, прожарился до изнеможения, до теплового удара, – стоит войти в тень какого-нибудь дома, – и ледяная прохлада оживит, омоет лицо, руки и спину. Охладит и успокоит. Глянешь на яркое, летнее небо, и из него на тебя нацелятся

подслеповатые глаза зимы. Ведь в Магадане на самом деле никогда не прогревается ни земля, ни воздух в тени.

☹ Тот, кто любит гулять по центру, в районе театра, обзорная сопки, где стоит радиоантенна и кривой клык – памятник замученным в сталинских застенках, в конце мая не раз становится жертвой оптического обмана. На сопках еще сохраняются пятна снега, а облака над ними расположены так плотно и убедительно, что невольно думаешь, что они укрывают вершины четырехкилометровых гор. Этаким рисованным задник для любительского спектакля. И опять не можешь отделаться от впечатления, что ты не на Колыме, а где-нибудь в Катманду, и сам ты дитя Кавказа, внук Памира, пущенный по миру. Тет-а-тет Алитет, сошлись два менталитета. Весь день хмурое небо, к вечеру солнце начитает греть, и тут – тончайший дождь. Океан перелетает воздушно-капельным путем.

☹ Есть у нас слепой дождь, и не только. Слепой снег и морось, сквозь них – солнце, как сквозь воду. Подслеповатый град и близорукий туман. С утра и с вечера, а то и на весь день. Может быть, именно в Магадане ярче всего проявляется понятие «слепая стихия». Будто бы она нуждается в поводе.

Ну и что! На душе и в теле легкость, не надо набиваться пищей, вплоть до слепой кишки, чтобы отогреть живую массу, и сразу дешевет сахар, туалетная бумага, не говоря уже о рыбе – прекрасной камбале, корюшке, а то и просто-та-

ки царской кумже. Падает цена на зеленый лук, огурцы и помидоры – гордость теплиц прозрачного поселка Стекольный.

☉ Зеленый мир у нас особый: что ни растение, то лекарство – будь то одуванчик, кипрей, иначе иван-чай – сиреневые нескончаемые плантации вдоль дорог, радость чайника – крапива, пион. И даже цикута, чтобы отбросить коньки. Коноплю в теплице один наркоман выращивал. Была, говорят, одна елочка. О какой песня поется. Не уберегли. И дубок морозоустойчивый. Один бывший милиционер у себя на огороде три лета лопух корчевал. Оказалось, ревень – теперь варенье варит. А из мокреца, хорошенько наперчив, готовят начинку для вегетарианских чебуреков. Побег стланика настаивают на водке и пьют, чтобы хорошо бегать. Нутряной дезодорант и прижизненный мумификатор. Вон кедровки от поедания шишек приобретают полную нетленность. В них, говорят охотники, пуля увязает.

Зимой и летом одним цветом кедровый стланик. Осенью тянет ветви с шишками к солнцу, чтобы дозревали. А кедровки тут как тут. Пируют. Ну и свинчат – не дай Бог. Чешуйки шишек разбросаны повсюду, что вызывает порицание моей жены.

Если у тебя еще целы зубы, присоединяйся, пощелкай орешек. Вкус ядрышек совсем как у сибирского кедра, только орешки мельче и требуют особой сноровки. К снегу стланик опускает свои лапы, не от бессилья, а чтобы накрыло снегом, сберегло от жгучих морозов. Тогда уцелевшие шиш-

ки становятся добычей мышек.

Кедровый стланик – артист, охотно исполняет роль новогодней елки, кордебалетом. Поэтому и в другие времена года, встретившись в тайге, вдруг напомним тебе праздник детства: почудится, что пахнет мандаринами, и во рту вкус брусничного сидра, от которого газ долго бьет в ноздри.

☹ Картофель у нас имеет взрывную жизненную силу: если его перевезти на материк и посадить, то все рекорды бьет по скорости роста. Думаю, что если бы исхитриться вырастить здесь лимоны, то из них бы вышли настоящие лимонки, не говоря уж о гранатах. Нетерпеливые дети, мало сведущие в ботанике, начинают подкапывать картошку в праздник Проводов белых ночей – в конце июня. На кусте ничего нет, а редиской величиной с горошину можно поживиться с огородов, которые устраивают у себя жители первых этажей, скажем, на улице Наровчатова, возле магазина «Ирина», там еще на тротуаре написано: «Ирина, я тебя люблю!». Думаю, все Ирины города должны в этом месте замедлять шаг и размышлять, кто бы это мог быть. Не я, честно!

Недавно появилась в городе амброзия – опасный сорняк, достигающий трех метров высоты и напрочь забивающий кукурузу. Вместе с гуманитарной помощью завезли из жаркой страны. Конечно, некоторые в панику ударились, а рискованные магаданцы рады. Пусть растет, кукурузу не забьет – ее в Магадане и в хрущевские времена не удавалось разводить, а сорняк – что ж, кому-то он плох, а по нашим понятиям,

пусть хоть пятиметровый, нам зеленая масса не лишняя.

У нас в теплице виноград разводили. Одна женщина ана-нас выпестовала, а другая в детском садике с кофейного дерева снимала по два килограмма кофейных зерен. Один предприниматель вот уже несколько лет вынашивает мысль выращивать на продажу в арендованном подвале шампиньоны. Поскольку с навозом в городе туговато, питать грибы картоном, гофротарой, которой у нас избыток. Не будет ли продукт ядовитым? Нет, – говорит, – разве что марганца чуть больше допустимой нормы, а так полный ажур. А марганец – он благотворный эффект дает, от него витамин С накапливается в организме. Так что светит нам экзотика: с картошечкой фри грибочки гофре, напоминающие трубку противогаса.

☹ Конечно, инициативу гасить нельзя, только зачем грибы выращивать, если их вдоволь можно заготовить на окрестных сопках, карабкаясь по огромным каменным блокам, заодно собирать и бруснику, своеобразный грибо-ягодный альпинизм – такого спорта больше нет нигде. Если растительность погуще, встретишь бледные поганки, прозванные моим маленьким сыном грибами-стервятниками, вздрогнешь. Но бывают и подарки за примерное поведение – настоящие боровики, белые грибы, как белое братство. Кстати, на том изгибе арманской трассы, где я всегда собираю, недавно открыли повышенную радиацию: мол, и вода поэтому не замерзает. Но это, я вам скажу, на мнительных людей расчи-

тано. Такие и в книжный магазин «Луч» не решаются заходить, чтобы не подцепить лучевую болезнь.

В начале XXI века у нас люди отравились грибами, съедобными, между прочим. Просто держали их два дня в пластиковом пакете. Ума нет. Все равно, что напаялить на собственную тыкву пакет, как это делают токсики.

☉ О колымских ягодах нужна особая кисло-сладкая поэма. Однажды, в конце лета позвонили мне в дверь, незнакомец попросил столовую ложку: собрал ведро ранней голубики и торгует на углу у «Полярного», берут стаканами только так, а насыпать в кулек из ведра неудобно. Вечером, мол, отдам. Поборов в себе нечто, выдаю ложку, весь день жду ее возвращения, как старшеклассницу-дочку с курсов менеджмента. Вечером спускаюсь на угол. Мужика нет в помине. Жена узнает о моем нестандартном решении и начинает проворачивать меня на фарш. Ей эта ложка бесценна как память, первая наша семейная покупка. Теперь вот приходится думать, что «ложка» – от слова «лох».

В подробностях яркой вспышкой вспомнился и магазин на Снежной Долине, где мы совершили в молодости такую удачную покупку. Правда, некстати вплетается другое воспоминание, более свежее, времен лимитов на водку. Отоварив четыре талона, поставил я бутылки в сумку, потянул с прилавка, она за что-то там зацепилась – звяк, и раздался трагический звук: бууль-буууль! Бутылка опустела, наполнив магазин характерным запахом большого бухла. Вспыхнуло та-

кое чувство, что в грудь всадили широкий острый нож, и артериальная алая кровь уходит широкими толчками, холодея руки и ноги. Еле пережил. А ведь надо еще за руль садиться. В салоне запах от сумки. Жена не проронила ни слова. А до того корила за что-то, уж не помню. У нас так получается, что всегда что-нибудь сломается и разобьется, когда ссора. Или собака укусит. Лайка бросается на тебя, но это только кажется. Она бросается на те виртуальные наросты, которые образуются от неправильного поведения, объяснила мне одна милая дама, которая считает, что Россию-мать спасет не безопасный секс, а стыдливость и чистота, сохраняемая русскими некурящими и непьющими женщинами, как эталон.

Проходит неделя моего пребывания в шкуре Шерлока Холмса. Вдруг пронзает интуиция: обнаруживаю на углу магазина «Полярный» мою ложку – в руке того самого лесного незнакомца, торгующего дарами сопок. Вам сколько? Мне ложку. Я стаканами торгую! Когда вернете ложку? От недоумения он превращается в соляной столб. Ах, ложку! Вечером занесу. Медленным шагом, в буре разнообразных чувств, даю человеку еще один шанс, удаляюсь домой, живо вспоминая первые приобретения в Магадане и знакомство с речкой в Лисьем распадке, каких по Колыме и Чукотке якобы течет 550 тысяч, общей длиной миллион километров, водопад на полуострове Кони высотой 60 метров, на 9 выше Ниагарского, молодых и бывалых друзей, красивую девчон-

ку, когда-то вскружившую мне голову, все такую же тонкую умом и речью, любимицу старушек, они обожают переходить с ней дорогу, продавщиц с их ценными советами по части вкусенького.

Мечты и грезы прерывает звонок в дверь, за ней сияние золотых зубов, многозначительные вращения глаз, мычание, цоканье, и реликвия, столовая ложка, возвращается домой. Как все-таки бывает хорошо на душе не думать о людях плохо! Ты хоть ее прокипятил? В наше время хоть СПИДа не было, – ворчит моя любимая, – и в ее голосе чудится мне мелодия Эдварда Грига. Правда, не знаю, какая именно, я Чайковского люблю. Да-а, песня Сольвейг. А ложка отшлифована, сияет, как серебряная. Не трусь, – говорю ей, – мы все проверены на ВИЧ – АндрееВИЧ, ИваноВИЧ и так далее!

☺ Какой магаданец не любит цветы, особенно кактусы? Говорят, один земляк, не потерявший способность к нестандартному мышлению, собрал их два ведра и употребил. Очень уж ему захотелось, в связи с расширяющимися международными связями, соленой мексиканской водки текилы дерябнуть, а ее как раз из кактусов производят. Ну, и поставил бражку, добавив для колорита репья и осота, выдоил на аппаратуре первачок. Годится, – говорит, – крепенько забирает, если морскими ежами зажевывать.

У тети Клавы один кактусенок, как Илья Муромец, рос 33 года и однажды в июле на три часа расцвел пышным аро-

матным цветком, от которого сладко слипались глаза, и томно кружилась голова. Вся контора была очарована этим чудом природы. Даже сбросились на радостях.

Тетя Клава стала героиней полудня, как символ и апофеоз пафоса и драматизма северного бесконечного терпения. И тут непосредственному отцу-начальнику вдруг пришло в голову: сколько же ей лет? И почему она не умеет работать на компьютере и не знает английского языка? Припомнилось кстати, что однажды она интерпретировала слово «кренномер» как «хренометр», а когда объяснили, что нет такого слова, на крайний случай возможен «хронометр», не сдержалась и выдала, что она думает по поводу «курвиметра», что ее так даже муж не называл, а он известный сквернослов и Донжуан.

Вскоре об этом интересе начальника узнала и сама Клава. Возмутилась и ушла. Цветы хотела с собой забрать да одумалась: пусть, мол, без меня попляшут. А они без нее еще лучше, еще краше разботвились. Прямо черт-те что, никакой морали из этой истории. Пришла новая секретарша, Леночка, на компьютере тоже не умеет, в английском ни в зуб ногой. С цветами не любит иметь дело по причине тяжелой руки. Посетителя отшивает запросто, с перегибом. На грани фола. Один от изумления едва не потерял челюсть. Зато молодая, симпатичная. Кровь с молоком и капелькой кофе. Все довольны. Особенно не первой молодости контингент. Она, быть может, напоминает им эдельвейс на круче, что над бе-

регом бухты Гертнера: хоть близко, а без альпенштока – руки коротки достать. Да и со снаряжением костей не соберешь. Кстати, у нее папа родом с Кавказа!

☉ К весне в Магадане выпукло проступает парниковый эффект, но не делает нас тепличными растениями. Многие предпочитают произрастать в открытом грунте, а ложиться на грунт – одно из любимейших наших занятий. Заядлый рыбак-подледник час за часом стоит по колена в ледяной соленой воде, отгибая сапоги доверху. Лед бухты растаял сверху, и должен бы всплыть, но законы природы здесь имеют свои особенности. Всплыть всей массой он не может, а дробления на ледяные поля не произошло из-за тихой погоды. Жди шторма. Черный, как чугун, но с белыми щеками и шей, рыбак приходит домой, кладет улов в законный «холодильник», заваливается спать, намереваясь встать пораньше и принять перед работой душ. Не судьба: воды нет. И он моется холодной! Хоть бы до пояса. Да! А где до пояса, там и ниже. Потом греет в электрочайнике воду для кофе и заодно моет голову.

☉ Магаданская весна – промежуточное и растяжимое понятие: апрельские ручьи стремительно перетекают в майские. И это полное сумасшествие. Выражение «лед тронулся» воспринимается именно таким образом. Как, и он тоже? Снег сошел. С ума? Весенний снег лег – так и хочется сказать: костями. Пленительно и завораживающе движение та-

лой воды. Шапка снега на заборе набухла, из нее торчит со-
сулька. А по ней пульсирует струйка воды, искрясь на солн-
це. От нее невозможно оторвать взгляд. В ней что-то жи-
вое, как вскрытый кровеносный сосудик. По ледяным пли-
там на проезжей части нитяные протечки талой воды при-
чудливо изогнулись, подобно руслам речки, если обзреть
ее с вертолета. Скоро проточит до асфальта, потом расши-
рит русло.

☉ Хочется вывести на чистую воду грязную. Деньги – это
вода, а живые деньги – живая вода. Так же, как твердая ва-
люта – вода твердая, то есть лед. Для жителя чукотского го-
рода Анадыря лед – это часть питания. Один чукотский жур-
налист привез себе из Хабаровска невесту. Утром хотел чаем
напоить, пошел взять с завалинки лед, там все хранят запасы
питьевого льда, а кто-то украл его. Лучше б деньги спер-
ли, – подсадовал Май, так звали этого человека. Прошло
уж почти полвека, а вдова, бывшая фронтовичка, помнит
тот день, медовый, ледовый месяц май. Ей помнится также
книга по пчеловодству в местном книжном магазине и об-
ложки для месячных трамвайных билетов, – самые, быть мо-
жет, фантастические вещи в ее жизни. Помнит, как просила:
«Станцуй, Май, танец: «распиловка дров». – «Да что-то но-
ги болят. Лучше ты спой: «вьется в тесной печурке огонь». –
«Не могу, голос сел».

☉ На Капрановском перевале, в центре Колымы, в апреле
2002-го скопилось 50 машин. Метель не пускает. 19-летняя

роженица не добралась до больницы. На счастье, в караване оказался врач, принял девочку. Назвали Яна. Есть такая река в Ольском районе. А мама малышки родилась в самолете. Тогда чуть ли не модой стало в полете рожать. И кто-то веселый пустил из уст в уста рекламу: «Рожайте самолетами Аэрофлота» и такую мульку: мол, таким, рожденным в небе, выписывали пожизненный проездной билет.

☉ Тот же апрель 2002-го. Глядите-ка, – обращает мое внимание милая женщина, – хохлатые синицы появились. Это не оптический обман, они крупнее, чем вы привыкли видеть. Значит, весна. Питаются почками, семенами лиственниц. Благодарю незнакомку. А то ведь только воробьев знал. Так у нас и воробьев, оказывается, два вида: городские и полевые. У одного из них, а какого, это сразу вылетает из головы, на грудке черное пятно.

☉ Радуется приходу весны и магаданский писатель-натуралист. Его пригласили выступить в детскую библиотеку. Порассказав о своих походах в тайгу, возвращается домой в автобусе, в хорошем расположении духа, даже музыка в ушах звенит. По улице идет – она сопровождает. Та же самая. По лестнице поднимается – она пиликает, не отстает. Домой пришел, она тут как тут. Думает, уж не погнал ли гусей в Лапландию? И только тогда догадался, в чем дело, когда достал из портфеля подаренную музыкальную открытку на пьезокристалле, которая наигрывает одну фразу из «Турецкого марша» Моцарта. Порадовался за себя, что не сошел

с рельсов, и стал подпевать: «Чижик-пыжик, где ты был?».

☉ Первого мая 2000-го года, впервые за мою бытность в Магадане, падал не снег, а дождь. Не мела метель. Поделится этим наблюдением со старожилами. Говорят, в 74-ом в плащах шли на демонстрацию. Не помню. Странно. А ведь в эти дни моему младенцу сыну исполнялась неделя. То лето было теплым, как никогда, но не для меня, живущего еще понятиями материка. Стоило только начать. Говорят: повышенная солнечная активность, а нам-то небо-2000 кажется твердью, но не хрустальным, а войлочным – холодина такая, как осенью, и деревья будто бы распустились сразу желтыми. Так и тянет пословицу на магаданский лад переиначить: июль – цыган шубу продал. Казмич говорит: мол, картофеля по два центнера с гектара уже не добираем. Политолог Ольга продала дачу, ее осенние выборы прокормят.

☉ А лето нового тысячелетия задержалось на сорок дней, в результате комары разных сроков рождения появились все вместе скопом и напали на человеческий материал разом, и так до самого Ильина дня. Потом настала пора микроскопическим москитам, производящим наибольшие разрушения на коже. Появились также многочисленные жучки-усачи, я их еще называю древоточцами. Знатоки моментально разнесли слух о том, что усачей завезли китайцы вместе со своими товарами, как и чесотку с пуховиками, которые уже почти вышли из моды. Один биолог по телевизору растолковал, что вроде бы это изобилие насекомых – из-за по-

жаров в окрестных лесах, хотя пожаров было меньше, чем в прошлые годы.

Однажды из-за удара молнии загорелась электрическая подстанция, и город несколько часов просидел без света. Жучки садились на людей, и некоторые нервные северянки пугались, как бы те не погрызли им волосы. Другие же ассоциировали власогрызов с электронными жучками-микрофончиками. Теперь понятно, откуда ноги, а точнее, усы растут у этой метафоры. Может быть, представители иных галактик решили подслушать решительно все, что происходит в этом таинственном городе Магадане. А может, эти сами с усами – родня самому Усаме, который пахнет бен (некоторые пишут бин) Ладаном?

В списке дел в графе «летнее тепло» природа ставит галочку: У или такую: V. И она летит себе наискосок в дымке от далекого лесного пожара. Галка – мигалка. А у кузнечика на крыльце дачи лапы палевого цвета. На Севере так мало жизни, что радуешься любому её проявлению. Только комаров не бывает мало. Но втайне сознаешь, что нравится их терпеть, упорствовать, чтобы потом путем тупого бдения и потерь красных кровяных телец встретить час победы, упиться ею, летать полдня и отравиться до смертного стога.

Перед началом учебного года нового тысячелетия на площади расставили торговые палатки с книгами. Какие-то теплые дни, с чего бы это? Молодая мама держит свою крошку в синем комбинезончике на ладошке, животиком вниз. А са-

ма с интересом пролистывает другой рукой какую-то книжку, возможно, еще не успела окончить школьный курс? Или уже студентка?

☹ Осень. Выходишь из машины на заправке – зябко плечам. Женщина прогуливает свой зонтик. Сумочка на длинном ремешке – как желтая собачка. Наш техногенный мир: клубок магнитофонной микропленки шевелится ветром, зацепившись за колючую проволоку. Как паутинка «на праздной борозде» в стихотворении любимого поэта.

☹ Весна лучше. Обещает красиво, хотя обманет, это уж точно. Легко сдвинуться по фазе, когда гуляет наледь – особая стихия, заставляющая вспомнить такое достижение технической мысли, как жидкие кристаллы. Не по сути, а по поэтическому созвучию. А также классику – «Ледяной дом». Им становится домик у самого ручья, из которого ползет и ползет лед зимой, проникая ледяными щупальцами в любую щель и заполняя, в конце концов, заброшенное строение до крыши. Как паучка янтарной смолой, может заключить в себя обманутого теплом почти такого же, на миллион лет моложе, паучка – вот тебе и брошка на шубу Деда Мороза. Лед тает, как слезинка, сверкает на солнце. Или же, чаще всего, сублимируется, испаряется, не тая, всю весну и лето, вплоть до новой наледи.

☹ Сильно они разгулялись в студеную зиму нового века. На Упгаре, где люди самостроем дома поставили у самого

течения реки, заползли в дома и заполнили до самой крыши, пришлось эвакуировать население. Оказывается, наледь тоже можно развернуть. Если три мешка шлака намешать с солью и высыпать дорожкой, по льду, выдавливаемая из ручья вода проточит новое русло, не будет напоздать на дорогу, грозя ее разрушить. Это рецепт Тимофеича. Что-то помешало им воспользоваться. Да, осенью почистили русло, насыпали дамбу. Порядок. В самом центре Магадана проще: там теплые сбросы от электростанции в Магаданку, вода не промерзает до дна, и никаких наледей.

А в центре области в упомянутую весну, кроме огромных наледей, сверкающих голубизной под жестким колымским солнцем, на фоне похожего на копирку неба, немало хлопот доставили и ледоходы. Грозил снести мост, строящийся через реку Дебин. А на майские праздники пожаловали два медведя. Употребили недельный запас окорочков, а вот тушенку осилить не смогли без открывалки. Мало каши ели. Хотя я своими глазами видел у одного охотника сувенир – расплющенные в лепешку банки из-под сгущенки, но она жидкая – вытекает из дырок, пропоротых когтями зверя. А он ее слизывает, хрюкает от удовольствия.

☺ Вплоть до первого июня может нападать снегу по колено, однажды, помнится, он был такого цвета, как синька для белья. Тогда еще женщины переходили на летние шубы из «серенького козлика, вот как, вот как», из Греции, в них на Колыме можно согреться только летом. Цвет меха фи-

олетовый, и отлив фосфоресцирующий, как у аномального снега. Что это за феномен, толком никто не знает. Может быть, микроскопические водоросли. Или оптический обман зрения от обилия прямого и отраженного солнечного света. Радиобобы горазды включить счетчик Гейгера-Мюллера. Одно время у нас широкая компания развернулась против захода в порт Нагаево рефрижератора с атомным реактором. Вплоть до объявления голодовки социально-психопатическими слоями дам-с. А теперь вряд ли кто-то вспомнит, в чем видели опасность и что выиграли в итоге борьбы. Зато родник в морском порту, который все почитали за целебный и везли из него домой воду флягами, объявлен фонящим. Вместе с тем в городе появились в продаже баллоны с освященной водой: оказалось, вовсе не надо ее тащить из Владивостока из «Святого источника», можно освятить на месте.

☹ Если в майском снегу вырыть норку, из нее плеснет синева, напоминая ту, что поражает новичка, разрезавшего в сумерки выловленную зимой корюшку, наглотавшуюся фитопланктона. Сияет таинственный лазоревый цвет, как у сиамской кошки глаза. Тает магаданский снег, тоже выкобениваясь: поверхность сугробов будто бы исклевана гигантской птицей. Или же он испаряется без следа, а если попадает на мостовые, будто на раскаленную сковородку, поднимается густыми клубами тумана, скрывающими ноги до колена, будто ты выступаешь на эстраде с песней про айсберг, наподобие Аллы Борисовны.

☉ В июне, когда немного сойдет снег, на сопках легко находишь прошлогоднюю бруснику. Вкус ее неповторимо приятный, напоминает вино, только безалкогольное. Впервые за все годы моих наблюдений раньше всего снег выпал в городе 15 сентября на зеленую листву в начале тысячелетия. Накрыл он и брусничные поляны, а на следующий день почти растаял. Остались лишь кое-где белые кружева. Кисточки багровых, почти черных ягод притягивали к себе солнечные лучи и вытаяли из снега. Кожица выдержала суточный холод – ягода не обязательно лопалась в пальцах, а морозец прибавил бруснике подснежной прелести. Кисти голубики – их не достал снег – как брызги неба, а кисти брусники находишь под лапами лиственниц, совсем еще зеленых, шепчущих под ветром – бережно тронешь полновесные ягодные шарики, с внезапным удивлением: ведь они – кисти живописца по имени Осень.

В березке, не в магазине, где торговали на валюту, а в кусте северной, не больше веника, березы, называемой еще ерником за способность ранить ноги оленей, с ее копеечками-листочками, скрываются самые сохранные ягоды. Кустарнички брусники, армированные кустами березы, прекрасно чувствуют себя под защитой сильных. От мороза растительный народец кто цвета благородного набирается, кто вкуса сладкого. Вон шикша, водяника, никогда мне не нравилась, а после отбеливания в снежной массе – куда как добра, нежна, как ананас. А рябина – лист багров, ягода

оранжевая, гроздь – как брошь на груди любимой женщины! Солнечные лучи стелются параллельно ветру, спят глаза. К козырьку прикладываешь ладонь. Понятно, откуда у зайцев косоглазие. Бабье лето, одним словом. Вообще-то некоторые считают, что в Магадане два бабьих лета. Одно в сентябре – так сяк, а вот в октябре выдается порой очень хорошая неделька. Какое-то выдается не бабье, а прабабье лето, хотя у нас есть и 85-летние приятнейшие дамы, не в обиду им будет сказано.

☹ Да у нас и осень бабья, и зима бабоежья. Бархатный, замшево-велюровый сезон. Капель – как вдовьи слезы! Хвоя лиственниц в центре города лежит – как опилки, а рябиновая листва столь немногочисленна, что впору ее хранить в коробках от ксерокса. Да хватит ерничать. Будет и весна. Тогда небольшая речка Магаданка разливается, обретает полнокровную мощь и манит молодых путешественников. И вот уж трое школьников устремились в старых стиральных корытах сплавать. Это у нас всеобщее повальное увлечение – сплавать. Взрослые путешественники специально на 150-й километр Колымской трассы уезжают, чтобы приплыть назад в резиновом суденышке в рыбный поселок Ола по одноименной реке. Где крестьянин, там и обезьянин. Течением Магаданки ребят отнесло на середину бухты Гертнера. Двое решились добраться до суши вплавь в ледяной воде, смелость их была вознаграждена, а третий мальчик проболтался на волнах много часов до обморочного состояния,

пока его не сняло судно рыбинспекции.

Лет пятнадцать спустя двое других мальчишек, из другой эпохи, сняли обшивку с теплотрассы в долине речки Магаданки. И вовсе не затем, чтобы подзаработать на сдаче жести во вторсырье. Решили сделать лодки для сплава. Но были остановлены нарядом милиции, попав под горячую руку кинооператора.

☉ Титульную речку несколько лет подряд чистят дети из экологических отрядов, спецавтохозяйство, а теперь еще и фермер, получив зарубежный грант, дай им Бог здоровья, дети капитана Гранта! Одна милая женщина по имени Жизнь – Зоя – тридцать лет отдавшая охране местных вод и лесов, перед смертью сказала, что когда в Магаданке снова станет нереститься его величество лосось, все у людей наладится и образуется. А ведь навевалась горбушка-то, золотая наша рыбонька, знать, недолго осталось терпеть до полного локального счастья.

☉ В начале июня вдруг врывается в город тепло, тело сладко ноет, каждая мышца поет, как ветка тальника, оттаявшая в зимнем костре, расслабляется и дремлет, из привычки достигать теплового комфорта лишь после часового пребывания под двумя одеялами. Сам ты похож на подзаборыша, голодного и холодного, мраморно-восковой спелости, которого вдруг приласкали теплые материнские руки. Плечи, руки, спина, будто бы пластилиновые, наполняются свежими соками, и ощущать оживление тела радостно и странно, да-

же стыдно, и обидно, что полгода ходил полуживым. Здравствуй, получеловек, ты прожил свой полувек!

☉ Когда в город на гастроли, так они это называли, приехал музей восковых фигур, я понял, с кем себя и остальных впроу сравнить – вылитые свечи, если, конечно, каждому вставить фитиль. Мы слеплены из воска, чтобы жизнь не казалась медом. А в воздухе уже ощущается сладковатый аромат северной почвы, ледозема и древесной коры, особенно ивы. Пробивается из земли трава, наполняется зелеными соками – это самое великое чудо, так бы и жевал ее, как выведенный на прогулку кот Макс.

☉ В эту пору появляются на улице самые красивые женщины на свете – магаданки. Их длинные и очень длинные ноги в блестящих, матовых, кружевных, светлых, черных, цветных и просто невысказанных искрящих колготках вызывают предынфарктное состояние, и мужской разум упирается в непостижимую загадку: как они, обольщая сильную половину города этими уникальными скульптурными живыми произведениями природы, одновременно умудряются использовать их для такого прозаического процесса, как передвижение на своих двоих. Это все равно, что гвозди микроскопом забивать. А вот одна Снежана (фамилия, кажется Морозова или Зимина, сам Дед Мороз, кажется, за ней приударил. Кстати, пока материал готовился к печати, вышла замуж и стала Снежана Порох) – в светлом капроне с рисунком шашечками. Ее ножки – лицо нашего учреждения. Судары-

ня, а не сыграть ли нам на шашечках в шашки? Ну, в Чапая? Или я лучше в поддавки с Маей сыграю!

☹ Тут возле «Восхода» перехожу дорогу, а чуть сбоку молодая женщина с боковым вырезом, до самого выше пояса. И оттуда, из выреза, чулок с рисунком – зигзаг, молния, а на плече – сумка, кошелек встроенный, и тоже на молнии, она не застегнута, наверное, для ансамбля. Чую, в глазах рябит, и на долю секунды приостанавливаюсь. Да как кстати, – мимо притиром джип проскальзывает. Чует сердце, что водитель тоже с молниями замешкал, что, может, меня и спасло. Кстати, водитель, это я в следующую долю секунды понял, – женщина! Автомобиль не бензином, а французскими духами благоухает. Так вот и подумалось, с нелепой убедительностью, будто это депутат сказал, что надо ввести в правила дорожного движения согласование глубины разрезов на юбках с органами дорожной инспекции!

☹ В начале второго тысячелетия, весной, возобновился городской конкурс красоты. Кстати, вместе с конкурсами на поставку продовольствия для учреждений социальной сферы и капитальный ремонт зданий. Кто дешевле делает, тот и получает работу. (Раньше-то девушка из совхоза «Талая» стала «Мисс-бюст-Европа».) Билет на обновленный девичий конкурс – полтысячи рублей. И правильно. Далекое не все желающие попали на это мероприятие. Не беда: можно бесплатно видеть наших красивых, блистательных девчонок прямо на улице. Подарить им первые цве-

ты. (А несколько месяцев спустя, зимой, магаданская девушка стала «Мисс-Санкт-Петербург». Красивой быть не запретишь. Особенно если папа в банке работает).

– Ну, что вы все носитесь с этими конкурсами красоты, – сказала одна почтенная магаданка, ветеран Крайнего Севера. – Деньги девать некуда? Взяли бы устроили чаепитие для пенсионеров. А к чаю бутылочку кагора!

☉ Весна – это запах легкого растительного дыма. Зима сжигает за собой мосты. Костры полыхают во дворах, весенние, в отличие от осенних костров самосожжения. Пожог травы ранят корни деревьев, – пытаются достучаться до отвыкших от огня людей лесники. (7 ноября 2002 года. День согласия и примирения. Аномально хорошая погода, располагающая гулять на свежем воздухе. Но что это? Свежие пожог травы на земле, замерзшей в камень. Возможно, огонь не поранил корешки. Аномалия. Обычно снег ложится уже 10 октября.)

☉ С тридцатого апреля начинаются пожары в зоне отдыха. Лесники тушат их по десятку в день. Высохший торф коварен, огонь после своей клинической смерти возрождается из пепла, как феникс. Приходится оставлять людей для ликвидации повторных вспышек. А кто-то поджигает леса умышленно. В районе Сусумана в восьмидесятых годах был такой пироман, разъезжавший на велосипеде с канистрой бензина и таежными спичками. Его хотели изолировать, но борцы за права человека не дали.

А в 99-м году в июле жгли лес в районе Палатки ребята из какой-то секты. Выжигали в тайге огромные треугольники, оберегая землю от катаклизма, предсказанного Нострадамусом в связи с концом света.

Чаще же виновники пожаров – расслабившиеся после стужи любители подышать свежим шашлычным ароматом. Бывалые таежники тоже ошибаются. Разведенный в сушь костер, прежде не опасный, в эту пору расползается, как по бикфордову шнуру. Горит лес, полыхают дачные дома, обихоженный уголок умирает на много лет, чтобы потом прорасти буйными брусничниками среди похожих на бивни мамонта ошкуренных огнем лиственничных стволов, столетиями избегающими гниения. Жизнь не остановишь.

Я и в холод, и в жару передам по пейджеру: «Берегите лес от «Паджеро!»»

Сезон пожаров может перетечь в подсезон наводнений. Как пить дать, захлебнуться.

☹ Нельзя обойти дачную тему. Что может быть лучше, чем неподвижное пребывание в старом кресле, в прогретой котловинке с сознанием, что ты сегодня не за рулем, и ГАИ, ныне прозываемое поГИБДД (поэт, невольник чести), несмотря на близость их поста, тебя не достанет, это nirvana в кругу знатоков истории, ее очевидцев! (Вариант: на боевом посту поГИБДД инспектор ГИБДуллин. ГИБД-Длое дело. Поскользнулся. Паковый лед – по имени Пака, офицера ГИБДД.)

У хозяев дачи отец умер в зубо­вра­чеб­ном кресле, еще в те времена. Старожи­лы, уж они-то уверены, что совсем недалеко от Магадана есть еще одна Кубака, не менее ста тонн рудного золота, что всех зекашек, которые производили геологоразведку, расстреляли, а над сопкой повесили маскировочную сеть! Сколько же в нее набилось летающего народа!

На разгоряченные беседой и проникновенным северным солнцем руки и шею падают с лиственниц мельчайшие капли, вовсе не горькие, как смола, а сладкие и ароматные, как мед. Какие-то неведомые насекомые перерабатывают непостижимым образом в своем организме древесный сок, должно быть, подражая пчелам. Под стать этому открытию признание хозяйки в том, что общение с землей пробуждает в ее крови шампанское: мол, так и лопаются в жилах хмельные пузырьки всю неделю. Пусть не шампанское, но какое-то вино должно получаться из сладкого сока лиственницы при его аэрозольном введении!

Над дачным поселком, расположенным рядом с ближним аэродромом, кружит вертолет, чукотская лайка Чифаня устремляется на этот звук, скульптурно замирает и обиженно скулит, что не берут, а уж она-то знает, что такое полет, оленьи стада и свежие мышки. Надоело ездить в джипе с хозяйкой и весь этот гребаный грипал. А тут еще хозяйева удумали выкормить горностайчика, невесть как оказавшегося в дачном домике, используя в качестве пипетки перышко лука, и ведь добились своего, теперь он у Чифани охраняемый

объект. Сколько сил на него положено, а разве кто оценит?

Муж изучает рыб, и в морской грязи, остающейся после большого отлива в бухте Гертнера, нашел три новых вида, не описанных в научной литературе, а в свободное время мастерит блесны, которые наповал зацепили его зарубежных коллег, и валютные заказы посыпались как щедро оплачиваемые прихоти. Одна фирменная блесенка была с клочком волос Чифани, другая – с хозяйкиными жесткими кудрями. Иной раз женщину рыбонькой называют, а тут на женщину рыбку ловят.

Хозяйка работает в биохимической лаборатории, и у них кончились мельчайшие сита с микроскопическими отверстиями. И она отыскала блестящий выход из положения. Лист серебряной фольги прикрепляет к самой аппетитной части тела, полчища комаров устремляются на «клубничку» со своими безжалостными жалами – и вскоре лабораторное ситечко готово. Ну, и пусть комары, лишь бы не трупные мухи.

☺ В последнее время все чаще разные известные люди, в основном политики, стали появляться на экране телевизора со своими домашними питомцами. Невозможно смотреть на них без душевной дрожи. Кошка во весь экран – зрелище завораживающее. Какая непринужденность и грация, многократно усиленная электроникой и оптикой. Станиславский, думаю, был бы очень доволен. Возможно, главную роль играет здесь неведение зверя о неизбежности конца. Хозяева

четвероногих, как бы это мягче сказать, проигрывают рядом. Что-то говорят, надувают щеки, но я не могу оторваться от истинных артистов. Пусть даже многие не ловят мышей, никогда в жизни не делали этого, и даже готового не могут, как следует съесть без колик и изжоги.

Как-то меня познакомили с кошкой Муреной, которая пропадает ночами в лесу, а под утро приносит в дачный домик своему сыночку-переростку бурундука. Котик принимается за еду и не оставляет ни шерстинки, вынуждая маму довольствоваться молоком из пакета. Глажу ее за ушком, она вежливо, без энтузиазма сносит мою ласку и важно уходит по хозяйству, помахивая хвостиком. Они со своим хозяином Васей создали здесь своеобразный мирок, начиная с высоких ворот с колесом от телеги, прибитым из эстетических соображений, до застекленной теплицы и грядок, на которых всяческие кабачки и смородина, не говоря уж о картошке, лопаются от полноты жизни. Двухэтажный домик прирастает: доска за доской, плашка за плашкой, куском алюминия, на котором остался плакат, либо лозунг от прежних времен.

На своей старенькой «Ниве» Василий объезжает город, рыскает по свалкам и помойкам, куда стекаются остатки квартирных европейских ремонтов, мебель, телевизоры, книги. Как на праздник, прибывает на снос ветхих домов, а с совхозных скотных дворов перевез в мешках полвагона навоза. Его теща надарила нам с женой всяческих листьев для борща и сочной крупной моркови после того, как мы

походили по дорожкам, выложенным бетонными плитками, полюбовались посадками ягод и отведали плодов, погладили ствол лиственницы, разросшейся впритык к домику, особая бархатистость его заставила вспомнить стихи, знакомые с детства. Как жену чужую, обнимал дубленку, и так далее.

Семья должна жить вместе, – приговаривала она, – тогда легче, да и целее будешь. Вон шофер разбился на трассе, а почему? – не ждала его жена. Машина сбила столбик ограждения и упала в Кувейт. Простите, кювет. Теплица под стеклом лучше, чем под пленкой, правда и там печку в пасмурную погоду нужно топить. Тепло на все нужно, на все. Вот домик до ума доведем, отдадим в хорошие руки, да на родину махнем, в Белоруссию. Можно и здесь безработному с земли прокормиться, но там значительно легче и естественней.

☹ Большинство дачных хижин – бывшие вагончики и, кажется, прицепи к ним паровозик – и помчится поезд на другой конец земли. Под воображаемый стук колес крепчает аппетит, нестерпимо хочется красного железнодорожного борща и чаю в стаканах с подстаканниками, а сам ты на полке в одних подштанниках. В нашем городе есть улица Железнодорожная, а железной дороги нет, и это страшно удивляет московское начальство. Мол, зачем вы так настаиваете на завозе каменного угля и мазута морским путем – погрузите на платформы, и порядок. Да еще один оригинал предлагает в телячьих вагонах своих политических конкурентов вывез-

ти в наши края. Сам тоже прилетал, покрасовался на трибуне, сказав, как нам тяжело, но отсутствия железной дороги не успел заметить.

Настоящий мужчина должен построить дом, ну, дачу, купить машину, воспитать сына и посадить дерево. Настоящие женщины ставят задачи посложнее, не всегда афишируя их. Если не удалось – можно довольствоваться утешительным призом, не уничтожая деревья, кусты и траву. покормить птицу или бомжа. За телевышкой на улице Гагарина живет добрая женщина с прямой спиной, которая варит в кастрюльке пищу для кошек и кормит их на завалинке. Несколько лет назад появились в городе воробьи, вид их всякий раз умиляет. Могучие чайки кружат над городом, промышляют на помойках в центре города, конкурируя с местными сенегалами. Иногда звонит незнакомка с усталым добрым голосом и говорит: я только вам верю.

☹ В сухое лето 99-го, между 200-летием Пушкина и Днем независимости, сгорело 35 опор линии электропередач от Колымской гидростанции в город. Пока их восстанавливали, в Магадане на двенадцать часов были отключены электрические сети. Воспользовавшись ситуацией, неизвестные злоумышленники похитили в районе Кожзавода все металлическое оборудование электрической подстанции.

Предварительно там был отключен водопровод за хроническую неуплату услуг Водоканала. Забили тревогу эпидемиологи, предупреждая об экзотических инфекциях. Выяв-

лены больные малярией. Она передается только с помощью комаров, особых, тропических, но наши, колымские – такие способные, а чем черт не шутит, на нашей-то забытой Богом земле! Почти в два раза выросла заболеваемость укусами домашних животных. А меня мой кот кусает за щиколотки – когда его погладишь, даже в три раза чаще обычного. Но я считаю эти укусы целебными, как, скажем, пчелиные. Однако на всякий случай обрабатываю ранки йодом и заклеиваю бактерицидным пластырем. Если не перестанешь, – говорю, – подам на тебя в суд! И не мурчи!

☉ Одна 80-летняя магаданка заразилась дурной болезнью не бытовым путем (...).

Пока писал это эссе, много воды утекло, много льда образовалось, и вот тюменские ученые открыли, что в вечной мерзлоте живут микробы. Более того, эти микробы, словно назло всем, не убивают, не мучат, наоборот, целебны. Они омолаживают организм. Поставили эксперимент на крысах, на старых особях, так те набрались такой жизненной силы, что возлюбили друг друга. Ну, совсем как мы, люди, отличающиеся от этих шустрых зверьков всего лишь одним геном, и сумели произвести потомство. Вот ведь счастье-то! А если это на людей распространить, так людям пенсионного возраста можно будет резко повысить качество жизни!

☉ В Магаданском морском порту обнаружена черная крыса – вследствие интенсификации международного обмена. Вот и руководитель общества с ограниченной ответствен-

стью привлечен к ограниченной уголовной ответственности, и для него будет выставлена запасная скамья подсудимых. А юные натуралисты ищут белых, голубых, синих крыс, чтобы взять в дар для красных и живых уголков. Наши крысы обыкновенные спокойно проживали в промышленных холодильниках при минус 18-ти, в запасах продуктов, считая себя подопытными кроликами. Это было в советские времена, грызунов вывел на чистую воду народный контроль. Частная ветеринарная клиника завезла в город для продажи белых в крапинку мышей, похожих на собак, далматинцев. Живой товар идет нарасхват.

☹ Коль пришла пора перечислять катаклизмы, то примечай: сгорел частный дом, люди спаслись, вытащив из огня телевизор и ковер. А перед этим в пожаре лишились гаража, выплавляя цветные и драгоценные металлы из приведенных в негодность машин, механизмов и пусковых установок. Хорошо еще, прекратились поджоги и взрывы коммерческих ларьков. Отстояв под снегами и дождями два года эмалево-белоснежными, покрылись они на облупленных частях кровью ржавчины, совсем как отслужившие свой век корабли, сходят с круга. Их хозяева, накопив капитал, переехали в первые этажи жилых домов, понаделав крылечек, как мыши в бесплатном сыре, и сыром в масле катаются, закрыв старые стены сверкающей типовой пластмассой и металлом холодильных прилавков с импортным содержимым. Вот так бывает: застилаешь несвежие вагонные матра-

сы и подушки чистым, как бы больничным, бельем и на этом спишь, спасаясь детской поговоркой о том, что быстро поднятое не считается упавшим. Теперь бы еще все-таки создать в городе средний класс, с повышенными платежными способностями и остаться в нем хотя бы на второй год.

☉ Единственный в городе процветающий бизнес – цветочный, он круче платных туалетов. Впрочем, есть еще фотопроявочный, аптечный и стояночный.

Застекленные цветочные киоски в центре образовали целый квартал. В них полыхает, особенно вечерами, яркий перламутровый особый свет, густо ложится, наподобие цирковых белил, на лицо продавщицы, она видится не от мира сего: либо кукольной, либо лежащей в гробу, тоже в цветах, восковой, но внезапно ожившей от такого обилия красоты и света. Или впавшей в транс. Прохожу, не останавливаясь и даже не замедляясь, чтобы не быть окликнутым из малого окошечка сильно возвышающим меня предложением выбрать букет по нраву. В качестве возможного шутиwego протеста всплывает лишь одна фразочка: «Мне возложат», хотя что же здесь веселого?

Правда, недавно довелось коллективно поздравлять одну энергичную заслуженную магаданку. Было много комплиментов и речей, и мои попытки напасть на следы неловкости не увенчались успехом. На юбилеях воздух сразу становится спертым, и считаешь секунды, будто в сауне. А ей хоть бы что. Вы, – говорит, – совсем не отразили мою привычку пла-

вать в ледяной воде и виртуозную игру на пианино. Родилась, мол, в месте ссылки великого поэта, где его особо продуктивно посетила муза, а это ни для кого не могло пройти бесследно. До сих пор в голове звенит тишина, наступившая после ее краткой ответной речи.

☉ Ввиду теплой погоды работники детско-юношеского центра чтения вынесли кадки с фикусами наружу: пусть и цветы позагорают. Выползли торговцы вещами, бывшими в употреблении, второго и третьего срока. Гвозди, петли ржавые и так далее напоминают слипшиеся в комок леденцы – в лучших традициях наших умельцев. С ними перекликаются нищие с пластиковыми мисочками от корейского супа «Доширак», девичья фамилия «Досирак», куда монета падает беззвучно, как во сне.

☉ Их новоявленный собрат по экологической нише вешает лапшу на уши продавщице винного отдела. Мы, мол, художники, – бьет себя в грудь, – давно бы уже были миллионерами, ну, вот я – автор герба города, мой это олень, летящий над волнами, – во сне приснился, озарило, как молнией, а теперь олешка мой на каждом углу и на водочных бутылках, в частности, – как тут и был. Жрут, хоть бы хны, в три горла, самая читающая публика, а нет, чтобы заплатить автору, хотя бы жидкой валютой...

На просьбу назвать фамилию (фамилия настоящего автора, – будто я ее выдумал, а она подлинная: Мерзлюк!) самозванец тушуетя и исчезает, оставляя за собой последнее

слово: мол, если бы не мы все, разве он бы додумался до этого оленя. На наших костях! – восклицает он фальцетом перед тем, как уйти в нерезкость за стеклянную дверь. Нам не надо посмертной награды, дайте хотя бы пожизненную!

☹ И сразу вспоминается, как магаданские летчики, еще в самом начале установления разнообразных мостов с Аляской, говорили, что работать могут получше американцев и запросто стали бы там миллионерами. И хирурги наши выражались в том же смысле, особенно в лечении переломов при помощи аппарата Илизарова, показательные операции делали.

Может быть, мы все давно должны стать миллионерами – за наше долготерпение, безоглядную трату энергии души. Но пока мы твердо знаем, что хорошая работа и хороший заработок редко соответствуют друг другу. Такая уж у нас страна. Быть может, потому изначально инстинкт разрушения силен в нас, может, оттого стремимся все сломать и поджечь, чтобы хапугам, вражинам не досталось – это так естественно. И не надо насыпать на нас бомбы, мы сами себя задавим в подземном переходе метро, задохнемся в дыму, запалив окружающий лес, перережем горло бритвой, задев за прыщик. Отравимся паленой водкой и закуской. Может быть, это от всеобщего недовольства собой?

☹ Обстановка усугублялась, а неделю спустя под вечер потемнело так, что пришлось зажечь электричество, в квартире нестерпимым стал тяжелый дух гари. Расстегнулась мол-

ния в нижней части неба, затрещала и длинно порвалась темная небесная джинса, разрыдалась, как от слезоточивого газа, и разверзлась туча, густо пролилась на паленые раны земли холодная влага, шипение повисло над землей, и больше всего хотелось, чтобы самый большой пожар, какие я видел в окрестностях города, погас. От напряжения мыслей и чувств разболелась голова, а когда дымная гуща выветрилась, я глотнул радость победы, будто сам погасил огонь.

Вот так 13 августа 1988 года, в субботу, я сидел в редакции и читал газетные полосы, вылавливая из них ошибки, поскольку был дежурным. В полдень потемнело небо, все, что было за окном, приобрело ослепительно золотой тон, как при наводке на резкость в фотоаппарате дальномерного типа, где используется тончайшая полупрозрачная фольга из чистого золота.

Муторное ощущение надвигающейся беды сжало сердце и держало, не отпуская, минуты тянулись долго, кажется, все ошибки выловлены, однако ищу и нахожу новые, будто бы от исхода этого поиска зависит будущее, и не только мое. Через два часа становится совсем темно, как в зимние сумерки. В квартирах позажигали свет. В районе дач (Горняк) светлый, небольшого диаметра небесный «колодец», об этом мы узнали по телефону. Наступление светопреставления наводило ужас полнейшей тишиной. Временами казалось, что вот так же беззвучно опустится на голову крыша типографии.

Через день-два специалисты объяснили, в чем дело: необъятные пожары в Якутии вызвали большой приток тончайшего пепла в стратосферу, от него и сыр-бор, как миниатюрная ядерная зима. До этого я изобразил происшествие в заметке, но опубликовать не получилось из-за проглядывающего вселенского масштаба события, который мог испугать читателей, по мнению редактора, а тогда ведь была цензура. Пожары вызвали небывалое нашествие медведей-беженцев в Магадан и несколько человеческих смертей в пригородной зоне. Одна женщина отдала себя на съедение дикому зверю, спасая ребенка. Зверь этот близорук, в случае опасности возвращается по свои следам, напролом, но если видит нечто большее себя ростом, то не нападает, поэтому знающие люди никогда не садятся и не ложатся, а выставляют на палке шапку над собой и тем спасаются. А в более ранние времена медведь забрел в городской парк, и милиция вытесняла его, пока не угнала за городскую черту! Обошлось без дубинок, они позже, в демократическую эпоху, появились. И бульдозеры не при чем. Автомашинами милицейскими вытесняли. С мигалками. Бибиканьем. Ну, и ненормативной лексикой.

Один медведь в те далекие сытые времена жил в небольшом местном зоопарке, а уж потом романтика прошла, и докатилось до того, что в некоем частном доме хозяина тайги держали на правах домашней скотины, чтобы заколоть к праздничному столу – экзотические бифштексы и,

опять же, целебная медвежья желчь. А был один магаданский богатырь-историк – так гулял с медведем, как с собачкой, на поводке. Снимок остался в книге, посвященной юбилею.

☉ А вот информация посвежее. В начале тысячелетия один медвежонок прибилудился на головные сооружения нефтебазы. Зима была малоснежная, для топтыжьего рода-племени бессонная. Возможно, мать подстрелили охотники. Два месяца нефтебазовский народ за зверем ухаживал. Главный инженер ему свою фамилию дал, и это в Интернет ушло. А его жена, Нина, зверя пирожками, блинами кормила. Очень тому полюбилась манная каша. Ест, аккуратно губами перебирает, не свинячит. А потом с Новосибирским зоопарком договорились, переправили зверя туда. Есть уже белый, есть гималайский, пусть и магаданский будет. А мишка – девочка, кстати – с дороги в сено зарылась и спит. Но на всех медведей зоопарков не хватит, хотя и гибнут под колесами цивилизации.

На кооперативных дачах, там и автор этих строк обзавелся домиком, назвав бунгалом, в 2005 году, в начале июля, появился двухлетка мишка – благостный игрун. Вначале на дороге голосовал, сразу после поста ДПС, стоял во весь рост, лапы расставив, махал по-обезьяньи, словно балансировал на спортивном бревне. Ольга приостановила свой джип, поскольку не обладала орлиным зрением. Разглядев вблизи небритую физиономию зверя и когти без маникюра,

испугалась за полировку крыла иномарки и осторожно ушла от дальнейшего тактильного контакта и автостопа, так похожего на гоп-стоп.

На работе, то есть на службе, она пыталась говорить о медведе, но ее не поняли, не поддержали, будто речь шла о летающих тарелках. А мама с отцом ждали на даче, возле тарелок телевизионной станции «Орбита». Всякий раз, проезжая их, она думала о диетах. А мишка и туда добрался, пытался проникнуть в форточку. Потом заинтересовался, как тут развешивают стираное белье, и избавил хозяйку от стойкого запора.

Как отвадить зверя от дачного поселка? Лучше всего было бы напугать, да он ничего не боится. А тут один ревнивец самогона перебрал и из карабина медведика уложил. Пулей.

Сентябрь 2006-го. 66-летняя магаданка с мужем поехала на собственных «Жигулях» в сторону Атки за жимолостью. Ягод не набрали, занялись рыбалкой. Мужу не везло, а женщина вытащила восемь рыбин. Пожарила хариусов, сделала картошку с грибами. Поужинали и долго сидели у костра. В полночь стали укладываться на ночлег в машине. Около пяти утра их разбудил удар, звук такой, как от столкновения с другой машиной. Муж, как лежал, так и подскочил: «Что такое? Медведь, что ли?». Женщина посмотрела в заднее стекло: батюшки светы, он! Завели машину, стали давить на клаксон, мигать фарами. Весьма кстати оказался свисток и натуральный женский визг. Уж этого топтыгин

не смог стерпеть, стал убегать огромными скачками. Очень большой и очень стройный. Молодой, стало быть, любознательный и глупый...

Когда в прессе мелькают сообщения, что в районе Байкала пожары, жди байкальских медведей. В 1999-ом году одного такого завалили в июне – весом 395 килограммов, обычный вес 80. Говорят, в районе психбольницы видели уссурийского тигра. Но там и не такое примерещится.

Наши тоже на юг проникают, поэт Миша писал, что морж на льдине до Анголы добрался. Это про зверя, а не про любителя зимнего плавания. Не путать также с маржей, выгодой от торговых операций. Сам Михайла теперь в Нью-Йорке проживает, но якобы тоскует по Чукотке. Про Линн Кокс, которая Берингов ледяной пролив одолела вплавь еще в начале падения железного занавеса, тоже помним. Фамилия теплая. Как Дровалев, Жаров. А что же с тем моржом? Не может быть, чтобы его негры на копальхен пустили. Канныбалы там всякие. Как говорится, кто кого скушает.

☺ Кстати, одна фирмочка, назвавшись «Моржом», полезла в нишу – размещает в Америке заказы на продукты, по лекалам нашего желудка. Чувствуешь защищенность, общаясь с этой едой. А то ведь не редкость, когда люди пропадают без вести на ближайших сопках, устраивая пикники, либо собирая грибы. Может, их комары на завтрак съедают? Летящие тарелки над морем частенько зависают, как из вселенской посудомоечной машины. Недаром в центре, в том зда-

нии под номером 13, по Парковой, где раньше сугубо проектировщики работали, появилась вывеска «Уфолог», которую мой компьютер упорно правит на «Уролог». Прохожу мимо здания, а у крыльца трехлитровая банка красной икры разбитая. Явно столкновение с пришельцами. Или кто-то не рассчитался с НЛОгами и уносил ноги, ведь в том же здании вместо кафе «Золотинка» обосновалась налоговая полиция. А через несколько месяцев там появилась такая вывеска: «Научно-исследовательская лаборатория послеконтактной уфологической реабилитации международной академии информации».

☹ А еще года два спустя, в новом веке, такая картина. Ночью в небе над Магаданом наблюдаются странные сполохи. Некоторые думают, что это северное сияние, другие – что НЛО, на самом же деле это специальные прожекторы высвечивают на облаках подобие рулетки, приглашая состоятельный народ в казино, на розыгрыш суперприза. Сам приз стоит рядом – это автомобиль «Хонда Вигор», расписанный канареечными надписями. Зима кончается, а под колесами черный нетронутый асфальт с минувшей осени, как своеобразная машина времени. Играй, пока кураж!

Кто бы мне подсказал, что вижу это в последний раз. Приз выиграл один молодой человек и погнал по трассе со скоростью 130 километров в час, не раз задерживался и подвергался штрафу за превышение, а весной 2002 года на 43-м километре, не доезжая до Уптара, врезался в пытавшийся из-

бежать столкновения рейсовый аэропортовский «Икарус», при суммарной скорости 200 сплющился и загорелся. Там на трассе так называемый пьяный поворот, и на 70-ти километрах в час машина теряет устойчивость, немало иномарок нашло свой конец. Прощай, Вовчик, прощай, Зульфия! Так и не состоялась ваша свадьба. А ведь они ехали в поселок, чтобы испросить благословения родителей девушки!

Ангел берег до поры до времени, сделал все, что мог, но и он не Бог.

☹ Впрочем, мы отвлеклись. По медвежьему сообществу больно бьет отсутствие рыбы, вот и рвутся медведики в Магадан, люди тоже сориентированы на добычу, рыбаков в городе больше, чем мужиков. Рыбалка в Магадане – особое время года. Мой товарищ, мы дружим дамами, горя нетерпением, позвонил на Олу, не видно ли «разведчиков», то есть одиночных лососей, вслед за которыми приходят основные стада кижуча, горбуши, кеты. Чаще их называют гонцами. Секретарь поссовета взяла трубку. Разведчики? Не те ли, в камуфляже и касках, что на джипе прикатили? Почти, – хмыкнул приятель, а вечером увел меня на бухту Нагаева глянуть, не пришла ли пора ловить мойву, называемую в народе уйком. Я не удержался и выдал экспромтом: «Худая мойва по свету бежит, а хорошая дома сидит. Безмойвный неучный час. Есть уек? Ек! Тогда хлебай чаек! Куй УЕ, не отходя от уйка! Буйно помешанный уек – это буюек». И еще уек-энд (на самом деле уик-энд) – выходной день, посвящен-

ный рыбной ловле.

А знаете, что на самом деле уек по-эвенски? Слеза!

Мойва – маленькая рыбка, родная сестра корюшки, подходит к берегу миллионами экземпляров и стоит тучей, дожидаясь приемлемой температуры воды, чтобы выметать тонны и тонны икры, слиться в самом крупном любовном групповом акте. В этот момент ее черпают сачками, заготавливают в больших количествах для закуси и безалкогольного потребления с вареной картошкой. Смешанная с прибрежным илом и мусором, икра вызывает ужас, ассоциируясь с плачем не родившихся бэби и смертную тоску, усиливаемую душераздирающими криками чаек, жрущими от пуза обильное лакомство. Как тут не вспомнить приписываемый нам американцами пищевой секс!

☹ Кстати, и прекрасному полу не чужда рыболовная страсть. Как выразилась одна молодая журналистка, – морская курица, то есть камбала, предпочитает морским червям свиное сало, а ловить ее на этот деликатес – себе в убыток. Думается, мы на пороге вала новых рыбацких рассказов, авторы которых – женщины.

☹ В последний раз я был на берегу бухты прошлой осенью, перед самым снегом. Тысячи мертвых медуз валялись на берегу, – превращенные зимним заморозком в лед, они походили на линзы от автомобильных фар. Еще я видел трупик нерпы – настоящей грозы рыбацких сетей. К нему пристроился, истекая слюной, краб.

Знакомый фотограф с двумя резвящимися овчарками пытался заснять на «Кодак» непонятное надвигающееся на город явление: особое дрожание багрового неба и слабый накат волны. По первой профессии он молотобоец, один из немногих, кто гнет голыми руками подкову, и такая же убедительность в его снимках.

А в цветовом эквиваленте на багровом волновом потоке, противоходом – легкие зеленые всплески, как выяснилось в итоге съемки. Сердце ныло от тревоги, даже фотографовы собаки, бегающие наперегонки за апортом, не могли развеселить меня. Они таскали в зубах отшлифованные морем стволы деревьев толщиной с оглоблю. Что-то грядет, – решили мы с приятелем. Хорошо бы дожить до завтра.

А к утру выпал снег. Белой летней ночью логично вспомнить о нем, тем более что на одном из склонов сопки, окружающих бухту, он продержится до нового снега.

А не пойти ли завтра лепить снежных баб?

☺ Берег бухты встречает нас волнительным, по магаданским, естественно, меркам, обилием народа. По приливу узкая полоска суши заполнена одетым в старое людом и десятками костерков из принесенных с собой дров. Сачки на длинных шестах похожи на холодное оружие 13-го века. Ждут рыбу. Пьют водку, жарят шашлычки, оживленно говорят и даже поют. Сотни мужчин на одно лицо, их коллективное рыбацкое замирание «вот-вот-вот станет клевать» белая ночь усиливает до тревожного ожидания, напоминающего

бдение в аэропорту с предвосхищением приглашения на посадку.

Особенность маленького города: знакомые физиономии. Однофамилец знакомого художника, на вид близнец, – смотритель геологического музея, то есть лицо, приближенное к метеориту и мамонтенку Диме. Или вот врач, открывший живительную мощь биоритмов в условиях Севера, автор блестящего опровержения лжеразоблачений желтой прессы о том, что, мол, в Магадане процветает такой подпольный бизнес, как торговля человеческими органами и что один сексопатолог-анатом изобрел новые психотропные, даже психструйные препараты. Знаменитый и легендарный доктор геологии, лучший друг пишущей братии, оруженосец нашего литературного классика, с его милой улыбкой в седую бороду. Мой сосед по подъезду, бизнесмен, недоумевающий, что я-то могу делать здесь в этот час? А я и сам не знаю.

Геологу полагалась квартира в академической семиэтажке, на втором этаже, он подсуетился над ее отделкой, но перед самой сдачей объекта в эксплуатацию один наш брат-журналист, фото-мото, объявился как потенциальный жилец верхнего этажа. Давай, – говорит геологу, – вместе поселимся на верхотуре, устроим на плоской крыше солярий, станем загорать и заниматься физическими упражнениями по авторитетной восточной системе, впадать в нирвану и левитировать. Фотокор умел убеждать, поскольку жил текущей мину-

той и концентрировал на ней всю свою психоэнергию, особенно весной, когда воздух в городе пахнет морской капустой. Вот и пренебрег геолог вылетающей из объектива птичкой, устремился за журавлем в небо, за компанию поменял второй этаж, солнечная сторона, на седьмой, но ни разу так и не забрался на плоскую крышу, поскольку фото-мото забыл о своей затее и вскоре переехал на материк насовсем, чтобы с комфортом тосковать о Магадане. На какой только материк? А то четыре фотодеятели в Америку уехали и нормально там устроились. Им даже английский для общения не нужен – знай, нажимай на спуск.

У костерка выпили по глотку водки, невольно вспомнив найденную недавно в мерзлоте мамонтовую ногу, но не как закуску: на обеспечение сохранности этого уникального экспоната умудрялись когда-то получать в год 350 килограммов спирта, да где те времена и нравы! Теперь-то на промывку персональных компьютеров не дали и третьей части. Мол, покажите дырочку, куда вы его будете наливать! А что ее показывать, – и так на виду, и у тебя такая же, и нечего, нечего ее разевать, а то муха залетит!

Порассуждали также о том, – четыре или пять бутылок водки выходит из литра спирта «Роял», о предстоящих подходах рыбы и жизни в параллельных мирах. В каждой конторе есть свои знаменитости и сюжеты, им кажется, что и тем, кто за стенкой, они интересны. А настоящей славы нет ни у кого, разве что у лыжницы Елены, олимпийской чемпион-

ки. Тем временем энтузиасты в болотных сапогах запускали в воду сачки и вынимали морскую капусту. Вот на чем можно зарабатывать нашему городу, если бы кабы, да во рту росли грибы. Побыв еще с часок, не в силах выдержать коллективную вибрацию нервов от предощущения рыбьей любви, мы поднялись по крутому откосу в столпотворение машин, нашли свою и укатили.

По дороге мой погрустневший друг сказал, что мы часто используем твердую валюту для приобретения жидкой и живые деньги тратим на то, чтобы убивать время. А ведь оно лечит. Или омертвляем капиталы. Насчет капиталов он, конечно, загнул.

☹ Возле дома из-под моей грязно-белой «восьмерки» теннисным шариком выкатилась маленькая серенькая мышка, в первую секунду я не понял, что это живое существо, подумал, что отказал ручной тормоз. Сделал несколько шагов за бегущей малявкой, согнувшись, чтоб ее рассмотреть и обнюхать. И тут из-за мусорного бака выскочила пушистая пятнистая киска, схватила мышку и удалилась на крышу пристройки к магазину, издав несколько утробных боевых звуков.

Сцена этой охоты разволновала, я сходил домой, принес и выпустил на крышу своего кота, одуревшего от прослушивания птичьих криков, записанных на лазерный диск, и отправился с сыном парковать машину на платную стоянку. На обратном пути на руке моего рослого парня внезапно по-

висла стройная девушка с лунными глазами, как потом стало ясно, это ей было нужно, чтобы избежать преследования нетрезвых поклонников.

☹ Я сказал молодым людям: хорошо, что приход белых ночей не финансируется правительством, иначе насиделись бы в темноте. И вообще надо радоваться, что есть глаза и не выживают в нашем климате змеи, а то один магаданец поехал в Африку, и в первый же день какая-то змеюка плюнула ему в глаз ядовитой слюной, а за другой глаз укусила. Инструктор по туризму выстрелил в гадину, а попал обезумевшему от боли бедняге в ногу.

А недавно приснилось, что я в каком-то подземном переходе в Америке вижу выставку живописи магаданских авангардистов, там портрет обнаженного юноши, между ног птичье гнездо, а из него высовываются две змеи с раздвоенными жалами. Поняв, что слушают плохо, я оставил ребят вдвоем.

Медленно бредя к дому, говорил сам себе, что уек безмолвный, и большинству людей его не жаль. Не врубаются, что живой. Лишь мой сын, еще мальчиком, устроил скандал из-за подобранных на берегу полуживых уечков, положил их для спасения в стакан с газировкой. Такой и вырос, никогда не занимался рыбалкой и охотой. А ведь мы тоже безмолвны, нас тоже не жаль тем, кто подкрадывается и убивает, когда мы любим. Когда наше сердце разрастается от любви больше, чем печень нерпы.

☹ Через пару дней умер один симпатичный магадан-

ский артист, похожий на американского артиста Бронсона. Прежде его жена, тоже актриса, покончила с собой, а он исчах от рака, уверенный, что болеет радикулитом. Артист прекрасно читал объявления по телевизору, держал изумительные паузы, и тембр у него был великолепный. На телевидение теперь берут исключительно картавых и заикатых, а радио, кажется, без боя захвачено иноземцами или пришельцами из других миров, отвыкаешь от звучания русской речи, как от родниковой воды. Тем удивительней был этот артист на экране, тем острее потеря.

У них в театре хоть хоронят нормально: есть помещение, простор для скорби. Участвуя в сокровенном таинстве, артисты остаются актерами, играющими самих себя. Они слишком соперничают, слишком глубоко внедряются в образ, у них столько молодых ушло в театре, – в сорок пять! А во МХАТе до девяности выбегают на сцену, как мальчишки. Или мастерство выше, звания, от заслуженного до народного, или у них талант не брать чужую жизнь, сочиненную драматургом, в голову, как выстрел из ружья.

Если б у меня был талант артиста, я бы играл Кощея, пусть не героя-любовника, но бессмертного! – приходит вдруг в голову. И она наливается костяной тяжестью.

☺ Хотя и ясно было с утра, теперь небо набычилось тучами, это лучше всего видно от городской управы. Я давно подозреваю, что в Магадане искривленное пространство, геопатогенные – как эрогенные – зоны, есть и точки просветле-

ния внутреннего самосозерцания. В смысле: хочешь срезать путь, потащишься по дворам, так вдвое длиннее окажется. Но если держать искривленную перегородку носа по ветру, точно по его завиткам, многое укорачиваешь и укрощаешь. С крыльца официального здания, глядя на север, открываешь простор: видны тучи, а сопки, почти смыкаясь с тучками, помогают выявить в пространстве рваную, дрожащую фиолетовую границу. Трепетное движение этой грани напоминает щупальца, как если бы на них, как на пальцах, изъясняться, и опровергает представление о сонности предгрозовой поры.

☉ Здесь, в самом центре, черемуха в июле цветет, несколько дерев. Впору каждому дать имя – Белянка, Невеста, Шуга (льдинки, но и сахар одновременно, если по-английски). Кто-то любовался и вдыхал чарующий горьковатый аромат, а кто-то веток наломал. Кто смел, тот и съел. В начале июля здесь синие цветы – колокольчики, бубенчики, травка курочка-петушок. Приглядишься – находишь ирисы. А что это так пахнет медовым пряником? Клевер. Пересадка дерна, словно кожи, из загородной зоны позволяет выжить траве. Скверик чем-то похож на привокзальный или предбанный, осененный чувством грядущих тревожных перемен. А ближе к осени я ощущал с этой точки запах запаренных веников и парной – вот уж где единение с растительным миром полное! И даже бюст первого директора Дальстроя Берзина, кое-кем уже называемого Подберезовским, – из этого же ряда

странных пространственно-временных оговорок неустойчиво текущего времени.

☹ Чередование солнечных часов, полудней, целого солнечного дня с хмурым не вызывает уже ни малейшего ответного равносильного трепыхания. На движения природы у меня нет сил. Из меня вытянуты жилы, как провода из хлорвиниловой изоляции. Нет, я не разочарован, просто не найду противоядия наступающему дождю. Чапаешь по городу – и вдруг на мгновение ощущаешь его своим домом, до боли родным, со всеми щербинками на асфальте и заклеенной объявлениями стеной. И все в тебе топорщится, как китовый ус и моржовый клык. Будто наглотался веселящего наркоза и сейчас под скальпель. За пазухой топор с не сваренной еще ухой. К чему бы это я? Просто на другой день узнаю: одному моему приятелю на операционном столе маску надели, а наркоз не дали. И не закричишь. Так без наркоза и удалили аппендикс. Куда мне деваться с моим даром предвидения! И еще скажите, зачем нас пугают шоковой терапией, если некоторые и шоковую хирургию запросто выносят!

Тут уж не могу удержаться про студента, который на практику пришел, энергетик. А по технике безопасности тройка. Встал, где нельзя, 10 тысяч вольт – не хило, да? Шарахнуло. Ну, обгорел, ну, зрение подсело, так жив же! считай, пронесло. Это начало тысячелетия, у нас все впереди.

☺ Вот и осень – лучшая в Магадане пора. Бывает, правда,

дождь нудит сутки-другие-третьи без перерыва. Тогда звонит в редакцию какой-нибудь магаданец: почему, мол, в газете пишут: без осадков, а льет и льет? Что они себе думают?

Вы знаете, – пытается объяснить журналист, – это несовершенное дело – предсказание, хуже, чем у Нострадамуса. Во всем мире не найдены способы достоверных прогнозов.

– Да? Я читаю ваши статьи и вам верю, но все-таки надо бы их проверить. В сталинские времена просто так не отделались бы. Кто-то поплатился бы обязательно.

Безмолвно, одной мимикой возражаю. Моя двоюродная сестричка, дочка репрессированного, специально выбрала себе профессию синоптика, чтобы никто не привлек за недостачу, как врага народа. Эх! Да и сам вождь был в молодости синоптиком.

– Ну ладно, – обреченно соглашается незнакомец, – вы тогда исполните синоптикам песню по моей заявке: «Тучи над городом встали».

Газета, конечно не в силах исполнить заявку, звоню коллегам на радио. Они и рады. Исполнили «Не осенний мелкий дождичек».

Атмосферное давление в течение текущих суток будет падать, медленно и печально.

☺ Кстати, в ту осень на дальние точки, все медвежьи углы гидрометеослужбы планировали забросить тушенку «Завтрак туриста», со знаком качества. А она так всем осточертела, что отказались. Наслушались пьес про строителей, ко-

которые отказываются от премии, борясь в условиях тоталитаризма за свои права. Ну, и что же, по знакомству передалось, и редакция обогатилась дополнительным питанием.

А «Завтрак интуриста» у вас есть?

☹ Если бродил под дождем, собирая грибы, то их нужно отжимать, как губки и сушить в духовке на слабом огне, повесив на ниточках, я покажу, если хотите, как. Часа через два квартира наполняется запахом свежего хлеба, а через сутки сушеные грибы по виду напоминают сухофрукты. Каковы они на вкус, я не знаю, поскольку уже несколько лет забываем сварить из них суп, варим из бульонных кубиков, обертка которых, если верить рекламе, может изменить всю жизнь. Да, к слову: однажды я нашел на антресолях брусничное варенье восьмилетней давности и пил с ним чай за милую душу.

☹ Порыв ветра оборвал на сочленении зонтик незнакомки и отнес под колеса уазика. Тот раздавил радужное изделие, как паука. Не годятся восточные зонтики для нашего северного мокрого ветра, – подумал я вслух. Посторонняя тетка возразила, что у нее не корейский, а японский, три года уже прожил.

Ну да, а у нас год за полтора считают, – подумалось мне!

☹ Еще два дня без перерыва, как чесоточный зудень, пилит и пилит на одной струне души и тела дождь, на работе сыро и промозгло. От земли веет вечной мерзлотой, она сыта по горло ливнями, как пьяница, такой от нее выхлоп.

По ней для полной картины должна пройти, крадучись, черная кошка. Песчаная грязь легка и стрясается с туфель топотом. Сердце устало стонать от тоски и вдруг затеплилось ожиданием счастья. Лучше всего ждать эти счастливые перемены тогда, когда тучи пореже.

☹ Стадион напоминает бассейн, московские артисты приехали на «полтинник» (юбилей города) и поют влажными голосами, как рыбы. Резво пляшут под ледяные небесные вздохи, зрители, дымясь спинами, аплодируют изо всех сил, чтобы согреться и вытрясти влагу из плащей. А когда заканчивается праздничный концерт, грустно вздыхают, ощущая во рту вкус жабр.

Так вам и надо, – бормочет и пыхтит пожилой тяжеловозик, весь под парами. – Пташки залетные, на год вам теперь хватит колымской экзотики! Презрение к веселым жизнерадостным людям, порхающим из города в город – не редкость, будто по их злой воле сидим мы в заточении в Магадане. Надо же и здесь кому-то жить, хотя бы для того, чтобы держать рубеж державы и не быть задавленными дружескими объятиями сопредельных стран.

☹ Дождь идет весь июль, август, сентябрь и октябрь, переходя в снегопады. Если выпить не с кем, позвони приятелю, пусть он тоже нальет, и можно чокнуться в телефонную трубку. Дни, каждый из них, проходят, как пьесы – с завязкой, кульминацией и стреляющим в финале ружьем. Покидая рабочее место, раскрываю в коридоре зонтик, а ко-

гда вываливаюсь на улицу, захлопываю его. Кажется, все это уже было, было, будто всю жизнь смотрел краткое содержание предыдущих серий. В Магадане тоже бывает первый снег, в начале октября, но сначала теплый, альпийский снег на вершинах сопок, иногда он лежит уже 10 сентября на брусничных полянах, как особое природное мороженое. В феврале он колючий, похожий на стекловату. (В мае автомобиль «Запорожец» с «ушами» за несколько часов занесен снегом по самые «уши».)

Стой, кто идет? Дождь! Пароль? Снег!

☹ В пять часов утра, уже по зимнему времени, по гололеду, выводит погулять свою собаку, эрдельтерьера Лаврентия магаданский писатель, ровесник Магадана, сын погибшего в сталинских застенках крупного хозяйственника, которого он никогда не видел живым. Проходит под редкими фонарями, возле музея, где хранятся документы о его отце и мимо библиотеки, куда пойдет утром. Иногда он доходит до первого каменного в городе, отцовского дома, где недавно продавалась квартира «сталинской планировки, после евроремонта». А внутренний голос добавляет: «железная дверь, решетки на окнах, колючая проволока, сторожевые вышки».

Собака шалит от счастья движения, под короткой курчавой шерстью у нее горячее тело, которое можно жестко трогать руками, получая в ладони сухое электрическое тепло. Все равно энергии в теле Лаврентия остается столько, что ему хочется всех обнять и перецеловать.

И тут из темноты возникает одинокий запыхавшийся бегун в кроссовках из Кимр, замотанных скотчем, в пропитанном наждачной пылью колымских дорог спортивном костюме, поверх которого жилет с карманчиками и лампочки, как у мотоциклиста. Он встречается взглядами с собакой и человеком. Собака никогда не пытается бежать за таинственным спортсменом. Может быть, чует своего? Или же, наоборот, не ощущает запаха тела, может, и тела вовсе нет, а субстанция из мира тонких материй и призраков? Здесь много невинных и неприкаянных душ бродит с лагерных времен, льнут к писателю, он возвращает им имена.

☹ А в этот момент другой историк прогуливается по переулку Первый Железнодорожный, облаиваемый эстафетой собак, которых никогда не выгуливают хозяева, поскольку держат их в спартанских условиях. Также видит бегуна с лампочками на груди и размышляет, как при отсутствии железной дороги, зато наличии соответствующих переулков магаданцы умудряются бежать впереди паровоза в различных реформах, которые ведь спустя десятилетие могут быть признаны ложными.

Вот, например, американцы давно поняли, что наша система образования лучше и задумали ее перенять, да куда им! Ее надо перенимать вместе с нашими учительками. Они дома шторы не повесят – для класса их приберегут. Ночь недоспят, выходной недоотдыхают, лишь бы второгоднику Ивашке истину прописную разжевать да в рот положить.

☹ Под струями снега вспоминается неласковое туманное лето, заготовка кормов для общественного животноводства. Наш заполошный шеф, милейший, когда обстановка нерабочая, переодевается в спортивный костюм и ныряет в туман. Мы тоже ныряем в туман, чтобы срезать жесткую острейшую траву, болотную осоку почти такой же острой сталью косы. На горячий пот ложится холодная роса, и влагоустойчивая мошкара пробивается в рот, чтобы погибнуть во рту и в глотке.

Наш водитель, бывший фронтовик, предлагает выносить из болота накошенную зеленку не на вилах и не в мешках, а набить травой уазик, чтобы через сотню метров перегрузить зеленую добычу вилами на грузовик. В сплошном тумане, несмотря на огромный опыт, он не очень свободно ориентируется на местности, не помогают фары, тогда предлагает кому-нибудь из нас идти впереди, обозначая путь. Два раза застреваем, и один очень плотно. Чтобы не потерять часть, подкладываем под колеса скошенную осоку. Она идеально годится для этой цели. Вновь собрать ее не кажется нам неподъемным трудом.

☹ После летней эпопеи следует осенняя – поездка на Клепку для уборки картофеля среди камней, а затем и капусты, за день до снега. Вся орава после веселого рабочего дня, похожего на пикник, собирается в автобусы, а капуста лежит необрушенная, немного ее, по общественным меркам, но жалко оставлять под снегом. Давайте уберем. Энтузиазм.

Убрали, с гиканьем и свистом, в мешки затарили. Куда же ее? В автобус не войдет. По трешке сбрасываемся, нанимаем левака, полный грузовик, вези, брат, на базу, пусть там лежит. А хоть и сгниет, наша совесть чиста.

☹ В первую неделю октября ураганные, вызывающие у людей с пониженным артериальным давлением эйфорию, снегопады. Девочка в автобусе спрашивает бородатого папу, молодого парня: «Это Новый год?» Он тупо молчит, и становится обидно за ребенка, да и за себя, ведь ждешь и веришь, что молодой человек по какому-то особому озарению вдруг изречет, что мороз по коже пробежит, и будешь изъеден воображаемыми мурашками. А как бы я поступил, чтобы не быть банальным? У детей на это дело абсолютный слух.

☹ Девочки в Магадане особенные: подрастая, идут в гимнастику. И вот уже молва: такие проделывают прыжки и кульбиты, что это выходит за рамки законов физики. Мол, бионерию из чакр выплескивают и слегка подлетают. Правда, реалистки-мамы спортсменок говорят лишь о необыкновенной гибкости девочек. Куда только они потом, когда подрастут, деваются, как и выпускники хоровой, музыкальной и художественной школы?

☹ Но и на старуху бывает порнуха. Осень сдвигается к середине октября. А морозы тогда лютуют в марте. Вон Покров день 2006 года, а снега ни в одном глазу. Он выпадает в ночь на 15-е. Своеобразное театральное запаздывание. Трава из-под снега свежее: зеленая, словно это озимые хлеба. В конце

осени в парке установлено колесо обозрения. Крутится почти без желающих. Дороговат билет.

Вдруг этот снег тает, в воздухе разносится запах весны. Дождь со снегом, а 1 ноября откровенный дождь, взбесившаяся экзотика. Словно колесо года катит вспять. Редкий автомобилист в твердом уме отважится гонять в ночную пору, и тишина стоит на центральных улицах. Многие в стрессе недоумения, словно упал доллар.

☹ В конце сентября под мелким дождем мы были с сыном, тогда еще первоклассником, на берегу моря. Жгли костер. Из-под камня выглянула большая крыса, заметив это, я предупредил мальчика. Не задумываясь, он выгнал зверька. Крыса ринулась вперед и попала в костер, взвизгнула от боли, неуклюже повернулась и забилась под обломки дюралевой лодки, разбитой волнами в щепки. Мы брали белый металл с пенистой пластиковой обшивкой и бросали в костер. Пламя окрашивалось изумрудным цветом.

Сын нашел тогда две клешни крабика, ракушки и морскую капусту. Все это понадобилось ему для исследовательской работы в связи с приобретенным недавно микроскопом. Клешня краба как у робота, – сказал он. Я ждал, что он спросит о крысе и поставит меня своим вопросом в тупик. Мне было жаль зверушку, как себя. Я тоже, в общем-то, крыса, только канцелярская.

А еще рядом с нами был отец жены, дедушка, незлой человек, настрадавшийся от режима. Не понаслышке знал он,

что такое Заполярный Урал. Он приехал на месяц, чтобы помочь мальчику привыкнуть ходить в первый класс. Внук лечил его от насморка одеколоном с солью и кипяченой водой, заодно плюшевым игрушкам доставалось на орехи. Спустя много лет мишка все еще пахнет теми уколами с одеколоном, как и благоухают немногие оставшиеся от детства его рисунки, вернее, космические карты, выполненные истощенными фломастерами, заправленными французскими духами. И один уникальный тетрадный листок. Мальчик дал задание деду по математике и письму, а когда старый интеллигент безупречным каллиграфическим почерком исполнил требуемое, красным фломастером почеркал и жирно вывел «НЕ ЛИПИ!», «НИ ВЫЛАСЬ!»

☹ Восемнадцать лет спустя, в марте, в четыре часа утра, когда в девять должны были до вечера отключить электричество, мой взрослый сын, оторвавшись от компьютера, разбудил меня и кота, который понял возглас хозяина как наказание и забился под ванну: «В доме крыса, а вы дрыхнете»! Я прошел на кухню и увидел: высоко под потолком, на антресоли, в керамической крынке – глечике, память о нашем прекрасном отдыхе в Ужгороде, куда с осени жена поставила в качестве зимнего букета ветки рябины, этакая колымская икебана, от самого слова аромат икоты и бани, сидел зверек, напоминающий ондатровый воротничок. Выглядывала только голова и две лапы, которыми непрошенный гость трогал листья и, похоже, наслаждался их запахом. Возмож-

но, попробовал и ягоды.

Девять лет назад столяр Виктор, царство ему небесное, обшил всю кухню, до уровня глаз, деревом, сделал эти антресоли и столы, а две трубы отопления забрал в короб. Между трубами было достаточно места, чтобы пролезть такому миниатюрному меховому существу. У нас на деревянной облицовке стены стоит картонка с видом Анкориджа, нежно перекрывает выход труб, и при появлении зверька падает на пол, несколько лет мы также списывали это на землетрясения. После очной встречи картонка дважды падала, несколько листиков рябины валялось на столе. Я уж подумал выставить букет на лестничную площадку, да жалко. Может быть, похорошему можно договориться со зверем, как в цирке Дуровых? А может, это была не крыса? Или так еще сказать: есть в других домах и получше букеты.

Зверек не стал ждать, когда достанут из-под ванны кота, медленно вылез из крынки, спустился по трубам с грацией обезьянки и скрылся за облицовкой. Вскоре внутри стены раздался звук перекачивающихся камушков, который мы и ранее слышали неоднократно, полагая, что это последствия микроземлетрясения. Я вспомнил: на первом этаже, который приватизирован коммерсантами, начался какой-то непонятный процесс, вроде бы бетонируют пол. А когда-то, будучи помоложе, кот пропадал в том подвале сутками. Стало быть, фауне подвала некуда деваться, и она устремилась повыше. Еще когда был жив Козин, рядом с нашим стоял

деревянный дом, бывшая гостиница, уж там-то крыс было немерено. Программа сноса ветхого жилья вызвала программу великого переселения крыс. Это первое объяснение, которое пришло мне в голову. Один биолог наблюдал, переходя дорогу на Якутской, как крыса стояла на светофоре, дожидаясь зеленого света. У них интеллект выше, чем у обезьян. Кстати, в детстве сын мечтал завести дома маленькую обезьянку. Он и теперь об этом мечтает. Что же так на крысу среагировал остро?

Мне сказали, что нужно заделать все дыры алебастром, замешав на битом стекле. Ничем иным крысу не остановишь. Все может прогрызть и съесть. Но, во-первых, у меня украли алебастр, который я недавно выставил на лестничную площадку, наводя порядок в кладовке. А во-вторых, я так и не понял, почему этой крысе так понравился букет, составленный моей женой, хотя и мне он тоже очень нравился. Она собрала его, когда бродили в сентябре по сопке на восемнадцатом километре в сторону Армани, я люблю то место. Там раньше всего, на вершине, ложится снег. Может быть, зверушка просто приходила сказать: «Здравствуй, Лариса, я крыса!»

☺ В свою первую школьную осень, когда основательно похолодало, мальчик стал осваивать коньки, и сделал это за две недели. На нем красный комбинезон с белой полоской на левом рукаве. Полоска светится в темноте, и это так неожиданно, что оторопь берет. Он четыре раза упал за вечер на пра-

вое колено и устал от боли, недетское понимание тщеты жизни написано на его ангельском личике.

☉ Я вспоминаю эту пору в 2000-ном году, как и другую нашу несостоявшуюся прогулку на берег моря в конце зимы. Хотел написать очерк о дельтапланеристе, одном из первых, но не успел: тот разбился в Нагаево. Там сопочки крутые, почти отвесные. Для полета нужна высота, для разбега и прыжка. На высоту вскарабкаться, а уж затем вниз, но тут же вверх с потоком воздуха, если он есть. С нуля нельзя начинать, будь то полет или жизнь. Ноль высоты – уровень моря. И в воздухе ноль градусов, что само по себе в Магадане означает разгар весны. От земли курится туманец, будто ты из парилки выскочил поваляться по снегу, так клубится под ногами, что загребаешь по пояс в облаке, будто Казбек какой-то ходячий. А некоторые думают, что этот пар и есть паранормальное явление, а человек создан для счастья, как фанера для полета на Паратунку через Верхний Парень, а то и Парагвай, кого хочешь, выбирай. Только если не болен парагриппом и паротитом. И если Минфин даст парафин. А иначе застрелится из парабеллума.

От земли поднимается тепло, по крайней мере, так хочется всем думать. А дельтапланеристу – особенно: восходящий поток должен вознести его над сопками и заледенелым морем. Над суетой и тщетой. Но внизу, под скалой, с которой он прыгал, рыхлый лед самой глубоководной бухты Охотского моря. Поток восходящий, но слабый, не удержал человека.

Теперь пароплан изобрели – такую смесь парашюта и аэроплана, говорят, получше в смысле паранормальности, да что уж теперь-то прошлое ворошить. Сколько с той поры наших людей ушло и кануло – не счесть.

Жена его стояла внизу, на льду, и все видела, не закрыла в ужасе глаза, не испугалась и смотрела до самого конца, верила, что в самый последний миг восходящий поток подхватит матерчатые крыла, превратит падение в полет, перепугает чаек. Только им дано клюнуть носом и взмыть с проглоченной рыбой, чтобы несколькими мгновениями изрыгнуть порцию переваренного. Он очень любил чаек, со всеми их потрохами, и не считал неудобным упомянуть о пищеварении, называя его взрывом. Он казался баловнем и любимчиком судьбы, и эти качества будто бы передавались окружающим воздушно-капельным путем.

Вокруг было немало баловней, которые рвали звезды с неба, как зубы под местным наркозом. Но были и неудачники, немало неуклюжих людей, хотя и милых, теплых и уютных.

Лучше бы он марки собирал!

Склерозов и другие Маленькая повесть без начала и конца

*Чем богаты, тем и рады. А мы рады тому, чего
нет – гепатита,
Но почему нас обвиняют в желтизне?*

Клевета

Пафнутий Склерозов, политик-самоучка, с утра побывал в редакции газеты «Колымский звон» и рассказал всем, что купил квартиру на западе страны, в лесном курортном краю, куда собирается переезжать, как только расквитается с магаданскими долгами перед человечеством. Здешнюю квартиру продаст, не оставит сыну, ведь тот может ее профукать, женьясь на стерве.

Потом он зашел в редакцию газеты «Алеет Северо-Восток» и сказал, что будет капать на мозги руководству, чтобы дали квартиру сыну. Аль не заслужил? С рождения в краю каторги и ссылки. Вообще-то не заслужил пока, так заслужит – это ж его родина, сопочки, стланик, чайки над бухтой Нагаева, небось, месяц на материке проживет и рвется об-

ратно, такая у него северная особая ностальгия. Об этом он красноречиво говорил Шерхану при личной встрече и другим шишкам высшего эшелона.

Потом Пафнутий заходил в другие редакции, партийные комитеты, профсоюзные объединения и правозащитные общества, размышлял там вслух, а иногда без слов, мимикой, на разные темы, тут же забывая предмет разговора и своих собеседников, а некоторых загружая своими проблемами дважды. Вечером, основательно устав, Пафнутий наведалься в баню. Знакомые парильщики и помывщики, отхлестав голого политика свежими березовыми и дубовыми веничками, отпоив брусничным, мятным и шалфейным чаем, взяли в оборот.

– Ты что, – говорят, – усыновил мэра, что ли? Шерхану за квартиру продался? Зачем у сына бабу отбил? Стало быть, уезжать собрался насовсем? Хотя и обещал открыть зону свободного посещения? А мы тебе верили, за тебя глотку рвали, век воли не видать. Коль уж народ тебя выбрал, не дергайся, служи ему честно, а то голым в Африку, как пить дать, загремишь. А хочешь, так вот пиво, и не какое-нибудь импортное, а наше, магаданское. А есть и импортное – китайское, похожее на бражку и бельгийское, если выбираешь не «Пепси».

– Мужики, что же вы такое наговорили? Как у вас язык поворачивается? Как типун не вскочит! Кто распускает обо мне такие мерзкие слухи, – воскликнул Пафнутий. – Со-

всем обнаглели демократы. Мафия, она и есть мафия. Точно говорят, политика – грязное дело. Только в бане и спасение. Если, конечно, какой-нибудь папарацци скрытую камеру не установил. Или по рации не передал, папарационализатор! По кривому пейджеру.

Не верь носу

Шел по городу известный магаданский политик Пафнутий Склерозов, и на заборе, которым была обнесена стройка, заметил надпись: «Здесь был Пафнутий». И отвратительная рожа нарисована. Не верь глазам своим. Взял платочек, стер. Через полсотни метров та же надпись, издевательский рисунок, а под ним непотребный мусор. Не верь глазам своим, – пробормотал Пафнутий и стер надпись тем же платком.

Пришел домой, и только переступил порог, раздается телефонный звонок. Москва на проводе. Здравствуйте, Пафнутий Петрович, ЦК партии зеленых предполагает выделить вам миллион зеленых на строительство платного партийного олимпийского туалета «Кал Гари» – в качестве предвыборной акции. Ждем вашего согласия.

Согласия? Не верь ушам своим? Он даже прослезился, полез за платком – утереть глазную влагу и вдруг почувствовал какой-то характерный, соответствующий моменту, резкий неприятный запах. Вонь, одним словом. Не верь носу своему! Однако в следующую секунду Склерозов разумел, что аромат исходит от его собственного носового платка, которым он стирал порочащие его честь и достоинство надписи! Чем же они на заборе писали? Все-таки политика – грязное дело! И более того – дерьмовое!

Сильнее смерти

Приходит Пафнутий Склерозов на похороны. Покойник заметный был человек, оставил след на местном небосклоне. Давайте, ребята, – говорит Пафнутий, – пока сосуд да дело, я вам пару историй расскажу. Пока вы ждете свадебных генералов.

Его пытаются остановить: неудобно, мол, вон же покойник лежит, уместно было бы с минутой помолчать. Мужик, можно сказать, во цвете лет скончался от рака, потому что сильно огорчился из-за жизненных неудач, загрязнения среды, давления еще более высокого начальства и беспризорности общественного бытия. А Пафнутий – человек ревнивый к общественному вниманию, венкам и слезам.

– Ну и что, умер! Подумаешь! Вот если бы я умер, не дай Бог, вот тогда бы вы, как быки ревмя ревели. Больно, – говорит Пафнутий, – народ кислый пошел. Чуть что – копыта врозь. Вот у нас в поселке, где раньше жил, была одна приметная женщина Марфа. Ей по секрету лучшая подруга из большой любви проболталась, что заболела раком крови. Ну и та, вместо того, чтобы грустить, пустилась во все тяжкие. Всех мужиков перепробовала. А что терять? – все равно конец. Впервые прочувствовала, как это может быть любовь до гроба без перерыва на обед. А то раньше, говорит, как по испорченному телефону было. Не любовь, а комбижир.

Если б не эта неизлечимая хворь, так бы и не узнала, почему фунт изюму с медом.

Месяцев девять прошло в круговерти, на свидание к ней очередь занимали, как в былые времена на ковры, на руке чернильным карандашом писали номерок. Все денежки спустила, а было их немало, поскольку состояла замужем за двумя старателями и одним браконьером, и все они скоротечно умирали от дистрофии. Прогулялась до нитки, на похороны не оставила, да кто о том думает, разве что староверы заранее гроб строят и на чердаке держат.

Пришла к тому доктору, ну, знаете. Мол, готова выслушать суровый приговор, не томите, говорите, все сдюжу, сколько еще дышать осталось. Да хоть послезавтра Богу душу отдать готова.

Стали ее обследовать, во все дырки заглядывать, под микроскопом кровяные шарики катать. Нет рака! Как рукой сняло. Как будто и впрямь рак на горе свистнул. Она очень разволновалась и даже всплакнула черными слезами, но и обрадовалась несказанно.

Проплакалась, собрала узелок и в лавру уехала помолиться. В дороге же схлестнулась с веселой компанией из Африки. Была, не была, – говорит, – напоследок! А ребята те черные умели ценить нежную женскую красоту. Спортсмены-неформалы. У них любимый вид – бег в мешках для трупов, последние метры ползком. А зимний вид – толкание автомобиля по снегу. Руку и сердце хором предлагать стали.

Не все сразу, – говорит. Уж эти каннибалы закон ebали. Уж я вас подержу в черном теле! Вы у меня, как негры пахать будете!

Ой, и правда, негры, только так говорить неприлично.

Скоро у всех обнаружилось голубокровие и просветление кожи, как у Майкла Джексона после его многочисленных пластических операций. Только что не поют. А один местный доктор из отделения морфологии за то, что феномен Марфы описал в монографии «Вскрытие при жизни», получил степень доктора сексопаталогоанатомии и звание членкорр. Коллеги его мАрфологом прозвали.

Мир и кулак

Занесло Склерозова на заседание областного хурала. Ну, парламент этот так называемый. В перерыве заглянул в приемную чайку попить, а тут телефон надрывается. Нельзя же быть таким извергом! Взял трубку. Корреспондент из Хабаровска звонит, Мирнович. Мир, – говорит, – не война, не путайте. Шутник. Какое решение принял ваш областной орган? Поддержал президента или нет?

Решение не принято, поскольку нет самого документа, – сказал Склерозов. И каково же было его изумление, когда через пару часов он услышал по российскому радио со ссылкой на самого себя сообщение, что магаданский хурал не поддержал президента, а намерен передать власть исполкому.

Стал он слать опровержения по многим адресам, вплоть до самых высоких, извелся, пока не увидел сообщение по московскому телевидению, что депутаты не дают согласие на привлечение к суду своего хабаровского коллеги, который нанес телесные повреждения журналисту за клевету.

Склерозов верхним чутьем заднего ума разумел, что хабаровский журналист, получивший рабоче-крестьянским кулаком в говорливую челюсть, – Мирнович. Почему-то ему так показалось. Как бывает в вещем кошмаре на рассвете, когда просыпаешься в незнакомой постели. Но не стал ничего выяснять, чтобы не лишать себя иллюзии, а с журналиста-

ми стал встречаться только на презентациях, поскольку там пиво на халяву.

Имидж всегда с тобой

Пафнутий Склерозов долго примерялся к тому, чтобы публично высказать роившиеся его голове мысли и слова и однажды, воспользовавшись некоторой вялостью спикера местного парламента, вскарабкался на трибуну и, не переведя дыхание, произнес одно предложение длиною в тридцать две минуты.

Речь эту, как и положено, застенографировали и попросили авторизовать. Прочитав стенограмму, Склерозов пришел в немалое возбуждение. Не говорил я такого! Нет! А если говорил, то нечестно ловить на слове. А вообще-то не говорил. Точно не говорил! Я и слов таких не знаю.

Несмотря на предъявленную магнитофонную пленку, он отрицал очевидное, проявляя тем самым главное качество политика. Вняв жесткому отпору оратора, аппаратчики хурала не включили речь Склерозова в сборник стенограмм. Узнав об этом, он закатил еще больший скандал, обвинив равнодушных чиновников в зажиме свободы слова. Нечего мне рот затыкать, сказал политик-самоучка, если дело так впрямь пойдет, придется в ООН жаловаться, в международный суд по защите прав свободной личности. Он распалялся все больше и больше, чувствуя в штатных работниках государственного органа слабость и податливость перед черным ликом толпы.

Вскоре, чтобы исправить положение и замять инцидент, ему предоставили слово на очередном заседании, и областное радио дало выступление в полном виде. Еще не закончилась передача, в редакцию посыпались звонки и телеграммы с комплиментами в адрес оратора-самородка. Правда, почему-то все называли его дровосеком, заслуженным лесорубом Колымы, а ведь в выступлении Склерозова ни слова не говорилось о лесе, о его рубке. Не была приведена надоевшая пословица о рубке леса и летящих как фанера над Парижем безымянных щепках и поговорка о набитых опилками головах. Впечатление от стихийного признания политика было настолько сильным, что Склерозова даже в официальных документах стали называть лесорубом, хотя последние тридцать лет он проработал учителем принудительного труда.

Вскоре в Магадане появился первый имиджмейкер. Город озарился прозрением: лесоруб день и ночь работает над своим имиджем. Настойчиво тюкает топориком. Склерозов также проявил здоровое любопытство: встретившись с имиджмейкером, спросил первым делом, кто такие визажисты, можно ли в партию зеленых принимать голубых китайцев и, наконец, почему его произвели в лесорубы.

Выяснив, как Склерозов относится к разным породам деревьев, кустарников, какие из них высасывают из него энергию, а из каких он сам пьет энергетические соки, имеет ли пищевые предпочтения в мире фауны, специалист нового типа высказал экзотическое предположение, что корни ис-

кать нужно в другом месте. Возможно, в сфере детских прозвищ. Первые же слова подтвердили его догадку. Детские клички Склерозова были следующие: Колун, Дуб, Чурбан, Бревно, Чурка, Колода. Как в тальскую минеральную воду глядел.

Вскоре Склерозова пригласили на должность директора пилорамы. Прежнего после тестирования на детские прозвища перевели в цех по производству органических удобрений для аграрного сектора города. Того в детстве звали Компостом. Кажется, его и сейчас так кличут. Есть и варианты более сильных формулировок.

Больше жизни

Политик-самоучка Пафнутий Склерозов любит жизнь во всех проявлениях. В этом ему нет равных. Любил зимой клубнику, летом мороженое, весной огурцы, а соленое сало во все времена года, так же, как и пиво, особенно на халяву. Любил женщин внушительного вида, будто намеревался пустить их на мясо, но в самый последний момент определял на племя. (Ну, стремя, бремя, пламя, вымя. – Шутка-парашютка).

Он любил огород, не опасаясь, что в него бросят камень. То есть два огорода. Ну, три, четыре. А если уж точно, семь огородов, в том числе на Старой Веселой, где у него был сарай. Кому сарай, а кому и дача. Ну не то, чтобы он был барыга или сквалыга. Просто любил землю, и она любила его, тянулась в струночку, отдавая все, на что способна, готовая родить вплоть до арбуза и банана. Он дыни любил, килограмма по три, они ему напоминали женский бюст.

В поселке на Колыме, где он до этого жил, картошка не вызревала, Магадан в этом смысле юг, и уж кто до него дорвался, тот засадит на всю катушку, не в силах утолить страсть одномоментно, как, скажем, вырвавшийся из стойла жеребец, напавший на табун кобыл. Море он тоже любил, заготовил икры четыре ведра, тузлук у него был как слеза младенца, а балык – как поцелуй негритянки в полнолуние.

Сопки он любил, карабкался на них, как козел и пел на вершине, давая петуха. Любил костерок запалить из ломаных кресел пятнадцатилетней выдержки, от кресала, не потому, что экономил на спичках, а из любви к парадоксам и колдовству.

Любил Склерозов и поговорить, ради красного словца, не щадя ни отца, ни крашеного яйца. Фантазийная стихия бросала его на скалы, скалки, на переборку лука, на усиление торговли, укрепление курса рубля, вымывание дешевого ассортимента, отмывание денег, товарный дефицит, затоваривание, осушение болот и бокалов.

Любил он валидол под язык, в качестве слабительного, любил в пургу пурген для усиления нежной слабости интимных трудов.

Любил, споткнувшись на ровном месте, стать центром вселенной со смещенным центром, вырезать из себя кусок плоти, не думая о плате, не плача по волосам, снявши голову.

Любил поспать и скоротать ночь-другую в бессоннице, под топот конницы.

Любил лечить зубы, свежесть боли, сладость соли, горечь меда, соль острот.

Имел также страсть сам у себя украсть, поймать за руку, подвесить за ногу вниз головой, лишив вкусной и здоровой пищи, питаясь зондом и кормясь стриженным газоном.

Любил погулять на поминках, смиряя мимику, крестить детей, крыжить грыжу, рвать ногти и цветы... И все осталь-

ное, что любишь и ненавидишь ты.

Нежная душа

Заглянул однажды Пафнутий Склерозов, неумный политик магаданский, в редакцию газеты «Свободная зона», чтобы в очередной раз поделиться свежими творческими задумками – так называл он свою интеллектуальную собственность, поскольку был именно задним умом крепок. В тот день исполнилось семь лет, как Пафнутий впервые обнародовал экспромтом в узком кругу план статьи о молодых людях, родившихся и выросших на Крайнем Севере, которых следует приравнять к коренным жителям и разрешить им бесплатно отлавливать по десятку хвостов кеты на нос – с соответствующей безвозмездной раздачей питьевого спирта для ликвидации последствий озоновой дыры, а также самой дыры, справедливо рассудив, что, если иногда море может быть по колено, то небо с овчинку и подавно, и она, овчинка, стоит выделки.

Себя самого он уже давно приравнивал к чернобыльским пожарным, установив личный 15-минутный рабочий день, а остальное время рос над собой, только вширь.

Редакцию Пафнутий нашел опустевшей, поскольку все собрались в кабинете редактора – несравненной Ангелины. Потолкавшись туда-сюда, он увидел в кабинете секретаря постороннего человека, судя по блеску влажных глаз, поэта, подозрительно взвесил на внутренних весах его шансы –

как возможного конкурента в обладании свежими ушами. Незнакомец же повертел перед Пафнутием загорелым лицом и произнес с надрывом:

– Зарезали без ножа. Ох! Не выдержу! Угостите валидолом! Застрелили без пистолета! Так опозорить! Так унижить!

Пафнутий затаил дыхание, как бы удерживая незнакомца от приступа физиологии. Вместе с тем он был заинтересован столь необычным проявлением истерики и с любопытством ожидал, не завершится ли вся эта система падучим припадком, поскольку ни разу не видел настоящих обмороков и не верил, в силу своего богатырского здоровья, что такое – не придурь.

– Вы меня, конечно, знаете, – продолжал незнакомец. – Я брат Люлькина. Он еще пять лет назад в вашей газете почти что опубликовал снимок!

Пафнутий не подал виду, что не знал Люлькина, приосанился и с интересом ожидал, когда же Люлькин узнает его самого и, быть может, остолбенеет или хотя бы оцепенеет, пронзенный стрелой узнавания, покраснев до корней волос и мозга костей, но тот был суетливо озабочен личной печалью и находился на той стадии перегрева, что обязательно бы расплавился, если бы не понимающий кивок собеседника. Получив требуемое, Люлькин порозовел, как от укола кокарбаксилазы и заявил, что его в Магадане каждая собака знает, поскольку сорок пять лет здесь прожил. Правда, собаки столько не живут, но это неважно, есть же собакины дети

и даже внуки. Родился здесь, коренной, можно сказать, кадр. Имеет гордость, переходящую в права.

Так-так, продолжай, шепнул Склерозов, ликуя от разгулявшейся интуиции. Люлькин показался ему приятным малым, созревшим для понимания основ склеротизма-пафнутизма, а та ненаписанная пока еще статья обретала яркую жизненную деталь.

Ничего плохого не сделал, – продолжал оратор, – людей повеселил, однако нашлись некоторые, ни на что не посмотрели, ни на какие такие заслуги и седины, моральные шрамы, опозорили ни за хвост собачий, ус кошачий. Теперь хоть стреляйся из ржавого ружья или из города уезжай на фиг и навсегда. А как уехать, если здесь родился? Может быть, фамилию поменять или на пластическую операцию отважиться?

Пафнутий мотнул головой и шумно вздохнул, будто от нахлынувшего чувства сострадания.

А дело было на празднике проводов зимы в городском парке культуры и отдыха, где Люлькин плясал на открытой эстрадной площадке, веселясь и зазывая других присоединяться, чувствуя себя как бы ответственным за хорошее всеобщее настроение, в долгоиграющем порыве благодарности, коль уж городское руководство и парковая администрация так постаралось всех развеселить. Денег, небось, немалых стоит веселье. И проявил столько естественного артистизма и раскрепощенности, что получил от устроителей призов – жи-

вого козленка, серенького, с белой звездочкой во лбу. Вроде как милая шутка в стиле кантри.

Все это вылилось в прессу, поскольку свобода слова. И газета тоже как бы в шутку высказалась, а получилась издевка, призер якобы заявил, не все ли равно, из кого шашлык делать. И увел животное на веревочке.

Веревочке!

Наглая беспардонная ложь! Как только такое бумага терпит! Сколько веревочке ни виться, а концу быть! Надо же – веревочка! Профаны! Жизни не нюхали.

Не веревочка, а ремешок! Любую веревочку любая коза вмиг перекусит, будто бритвой отчекрыжит. Но главное, он вовсе не собирался порешить козленка, отвез к сводной сестре, у которой на девятом километре крестьянский дом с подворьем. Там телка – вначале косилась, а потом за своего приняла, и играют вместе, и спят, обнявшись, и столуются из одной кормушки.

Вот пришел требовать опровержение. А они смеются. Фамилии, говорят, твоей нет в заметке, и гуляй, козел. А что фамилия! – и так знают все, кто приз взял, на всю область телевидение показало. Теперь каждый может в лицо ткнуть: душегуб.

Пафнутий готов был поклясться, что не видел в жизни более огорченных людей, чем этот, и у него защемило сердце. Вот так обгадят почем зря, и хоть в петлю, никому ничего не докажешь, не накинешь платок на чужой роток.

Эх, нежная душа, не закаленная житейскими бурями, сразу видать, не политик. Тут, небось, самого так уделали публично, с указанием фамилии и должности, так топили и жгли конкуренты, что в кошмарном сне не приснится. А ведь отряхнулся и пошел, морду лопатой, руки граблями.

Бомбу на избирательный участок подложили, да так извернулись, чтобы на Пафнутия подумали. Почтовые ящики листовками своими мерзкими забросали. Понаписали, что многоженец и браконьер, поедает собак. А он принципиальный вегетарианец и однолюб. Сами, небось, по пять жен сменили, а тут с одной всю жизнь кувыркайся. И радость, и горе дели.

Ну, рыбалку, конечно, не отнять. Это как вторая натура. Так неужто этим святым делом корить можно? Избиратель не дурак, все видит. Подумаешь, сети влажные нашли в багажнике. Подмоченная репа... в смысле репутация! Дождь был, вот и намокли. Не ловил сетями! Икру приплели. А он ее в кустах подобрал. Да что там икра – ведро всего. Могла пропасть. А если по большому счету, нечего рассусоливать на эту тему – в душе все мы немного браконьеры. Только иному лень от дивана оторваться.

Или вот что вражины придумали: был пьяный за рулем и отказался освидетельствоваться на алкоголь. Да не мог он в трубку эту принципиально дуть. Ну, чесноку переел, от него всегда в животе непорядок и запах изо рта. Да разве этим дундукам объяснишь?

А еще раструбили, что известный политик Склерозов за квартиру не платит. А кто сейчас за что платит? Вот комики! Сейчас и за свет не платят, со счетчиков снимают платы втихаря.

И вообще покажите мне человека без греха! Ну, получил две квартиры, а они, соперники его, вон сколько нахапали! По двадцать контейнеров на материк отправили!

Пафнутий последнюю мысль произнес вслух и, с болью глянув на Люлькина, опомнился. Козлик на веревочке! Агнец!

С отчетливостью кошмара вспомнилась стенная газета пионерских времен, когда его изобразили скачущим верхом на единице. Вот когда было нестерпимо больно и обидно так, что хотелось горящую кожу сорвать на щеках. Стояла глухая осень, он брел домой по темной улице, по колено в грязи, и кто-то ослепил карманным фонариком и врезал в челюсть так, что искры брызнули из глаз. Было больно, но боль к утру прошла, а с ней растаял и стыд...

– Эх! Будет и на нашей улице сабантуй! – В голове Пафнутия созрел яркий и дерзкий план. – Где твой козел?

Через десять минут он шумно ввалился в кабинет главного редактора – к железной Ангелине, с взором, просветленным идеей справедливости и борьбы за истину в последней инстанции. К груди он прижимал того самого козлика – со звездочкой на лбу. А к мохеровому горлу козлика Пафнутий приставил кухонный нож.

– Или вы немедленно даете опровержение, или я перережу ему глотку!

– Какое опровержение, Пафнутий Николаевич? Какую глотку? Вы меня напугали! Уберите животное. Здесь и так воздух не озон. Только козлов мне и не хватало!

Пафнутий перехватил взгляд Ангелины, устремленный на баллончик, непринужденно возвышавшийся между канцелярскими принадлежностями. «Олд спайс, – догадался он.– Для сильных духом мужчин».

– Вы дадите опровержение того, что козел бы уведен на веревочке. Вот глядите, – Пафнутий дал козленку кусок корабельного каната, который подобрал на пирсе во время прогулки по задворкам рыбного порта и носил в кармане на всякий случай, и козлик перекусил его играючи, будто клинком дамасской стали, перерезал. – Не забудьте указать, что шашлыком зверь не стал.

Ангелина насмешливо передернула плечами и презрительно надавила кнопку баллончика, будто струя дезодоранта должна была смыть назойливых посетителей с их нелепыми притязаниями, которые ни один суд не примет. И вдруг лицо ее странно исказилось. Она отпрянула с креслом и взвизгнула от ужаса:

– А-а-а! Дам! Дам опровержение! Справку с гербовой печатью выдам, только уберите это! – Она пугливо указала не лишенным изящества пальчиком на бегущую по столу мышь, сметающую тонким длинным хвостиком канце-

лярские мелочи. Ее вместе с козленком притартал Люлькин на такси по наущению Пафнутия. Белую дрессированную мышь Клавку.

Пафнутий ликовал и праздновал победу, но напрасно: железная женщина не сдержала слово. Вместо того она вызвала ОМОН, и защитник козлов был задержан по подозрению в террористической деятельности, как покушавшийся на захват заложников.

Политические противники поспешили раздуть скандал, но их коварные планы оправдались с точностью до наоборот: рейтинг Склерозова вырос на три процента. Пафнутий зачислил Люлькина и козленка в группу поддержки и брал их на свои публичные выступления.

Всеобщее одобрение вызывает тезис Пафнутия о том, что колымчанам нужно объединяться, чтобы окончательно сбросить колониальный гнет центра, в подкрепление которого козлик перекусывает веревки, театрально стягивающие нежные руки Люлькина.

Этот номер под крики собравшихся: «Давай, Козанострик!» обычно исполняется на бис.

– Это мой меекер, – говорит Склерозов.

– Имиджмейкер или клипмейкер? – недоумевает ошарашенная публика.

– И то, и другое, комплексно. Козел. Если б он баран был, то беекер.

Пиво на халяву

Из всех искусств Пафнутий Склерозов больше всего любил выпить пива на халяву и поговорить о себе самом. Это на его толстом носу было зарублено крупным курсивом. Поэтому когда он появлялся в какой-то компании, будь то город, поселок или пустынный брег морской, его тут же начинали потчевать ячменным напитком и подначивать на рассказы из многотрудной, богатой казусами и парадоксами жизни.

Поэтому он ничуть не удивился, когда в московском аэропорту Домодедово, едва он сошел с трапа, обступили какие-то полужнакомые люди и стали зазывать, как родного к буфетной стойке и угощать свежим «Жигулевским» гонконгского разлива.

– Ты, земля, из Магадана? А мы сусуманские! Душа, знаешь ли, тоскует и белым медведем орет. Овес нынче дорог, каждый раз не налетаешься, так хоть постоять рядом с магаданцем. Как там у нас? Золотишко, икорка?

Раскрасневшийся Склерозов ответственно заявил, что Магадан – лучший город земли, стоит, честно говоря, небелимо, женщины самые красивые, водка самая не отравленная, а вот пиво поплошело. Но Лужков, когда приезжал на денек, обещал поспособствовать пивоварению, потому что больно уж хороша магаданская закуска – кета в вакуум-

ной упаковке. Батареи в домах теплые, но не как в Москве. С открытой форточкой спать не будешь, тем более с окном. Скорее, с буржуйкой.

Еще он хотел рассказать, что уложил медведя в районе зверофермы, но передумал. Был не в ударе, подустал от перелета. А ведь лисьи следы там, честное слово, не редкость. Собеседники, называвшие его папашей, поддакивали и восхищенно перемигивались, распаяя Пафнутия, подталкивали его плечом и лапали спину горячими ладонями. И вдруг он, перейдя на возбужденный крик, достал из чемоданчика пачку плакатов со своим портретом, оставшихся с прежней выборной компании.

– Как твоя фамилия? – спросил он молодого человека, похожего на боксера полутяжелого веса. Тот замялся. – Ну, зовут, как, кому надписать на память?

– Зачем фамилии, дорогой? Мы же не в КПЗ! – воскликнул как бы боксер, и Пафнутий оценил его юмор. Но через секунду какая-то тень напозла на плетень его души. Он поперхнулся пивом и стал энергично благодарить всех за компанию и торопливо прощаться, чтобы не опоздать, а у него назначена важная встреча.

– Обижаешь, земляк! Зачем автобус? У тебя деньги лишние? Сейчас наш кореш кончает смену и домчит на пазике, как на лимузине, куда надо. С ветерочком домчит, к бабке не ходи! Да мы, хош знать, студенты, кто в школе-магазине, кто в университете-универсаме, кто в совхозе-технику-

ме, а кто и втузе-заводе, ха-ха.

Пафнутий допил пиво и вдруг ощутил нестерпимое жжение внизу живота и позывы.

– Где у вас тут туалет? – смущенной скороговоркой спросил молодого человека и оглядел других как бы молодых боксеров.

– Тебе, папаша, какой? Платный или за углом?

– Лучше бы бесплатный. Нечестно зарабатывать на этом.

Молодой вызвался проводить его в платный туалет, но на халяву. Он терпеливо ждал, когда Пафнутий облегчится, и вдруг достал из кармана баллончик. Не успев прочесть название, Склерозов услышал резкое шипение, и какая-то душная струя метнулась ему в глаза, выдавив стакан слез, остановила дыхание и стерла мысли.

Очнулся он не скоро и, не понимая, кто есть кто, а кто есть никто, услышал какой-то полужнакомый полуголос. Мол, лихие ребята заманили бедолагу в частный автобус – домчать с ветерком до города, как поехали по лесной дороге вдоль дубов, увидели одиноких путников, подобрали с его разрешения, как автобус вскоре якобы сломался, и веселые молодые ребята набросились с гиканьем и хохотом и выстрелами холостыми патронами, раздели, разули, выкинули из автобуса, вручив для прикрытия наготы грязные обноски.

Эти гады-сволочи, – говорил некто, наученный горьким опытом, – выслеживают магаданские рейсы, снимают пассажиров на видео, а потом могут даже в другом районе кра-

сотку подослать, пивом опоить, в ЦУМе, а то и на ВДНХ, на понт и на пушку берут и никакого с ними сладу. Гоп стоп нон. Некоторые магаданцы, все-таки самая читающая публика в бывшем СССР, разгадывают эти подлые маневры, себе дороже. Того они стращают и требуют выкуп. Кто-то струхнет, так все отдаст, а иной торгуется, выгадывает, будто и впрямь рынок.

Один ушастый оказался ушлый, вообще отвертелся, даже с прибылью. Я, – говорит, – урка колымский, Вася-Сморчок, лучший друг чеченцев, если меня тронете, так такую братву высвистаю, они все отмороженные, по два пожизненных срока имеют и по три вышки, они вас всех до седьмого колена вырежут руками по локоть в крови, им терять нечего. Такое у них чувство локтя. И так у него убедительно это вышло, что дрогнули губители, в друзья стали ему набиваться. Он артистом из Магаданского театра оказался – заслуженным. Блатные песни исполнял так, что даже милиция рыдала.

У Пафнутия от этих слов в ушах зазвенело. Понял, что надо делать. Он свои выборные плакаты подкорректирует. Портрет остался, а текст сочинился такой: «Разыскивается опасный преступник, серийный убийца, совершивший побег из уранового канцера в Сусумане Пафнутий Склеров. Он же Мясник. Он же Могила. Особо коварен и жесток. В мести страшен и не знает пощады. Может носить усы. Особая примета: любит пиво на халяву».

Выйдя из медпункта, Пафнутий нашел тут же, в пор-

ту, частного мужичка с компьютером, который подряжался срочно изготовить визитные карточки, гороскоп и генекол... то есть генеалогическое древо и заказал ему плакат. Через двадцать минут он развесил чудо полиграфии в десяти местах вокзала – от буфета до туалета. Перечитал написанное и от руки коряво добавил: «Главная особая примета: его гов ... (*зачеркнуто*) дерьмо тонет в воде».

(При последующих анализах выяснилось, что в кишечнике Склерозова поселились бактерии, улавливающие золото из водопроводной воды и импортной еды, как-то голдпюре, голдпиво и голдшоколад «Альпенгольд»).

Через час некто в черном чулке на бритую голову понуро всучил ему пачку купюр толщиной с лошадиное дышло.

– Прости нас, брат Пафнутий, так уж вышло, – сказал неизвестный и пододвинул ногой ящик баночного пива. – Зла не держи, ладно?

– Пиво из холодильника? Ладно, на первый раз прощаю. Разбаловались вы тут в столице, жируете, а, быть может, по вас давно Колыма плачет. Она таких гнид давит. Да ладно, живите покуда.

Болезнь на букву С

Собственно говоря, герой наш не всегда Склерозовым был, более того, даже Пафнутием стал недавно, полвека числился Павлом Морозовым, гордясь отдаленным как бы родством с пионером-героем, пока не началась демократизация, и привычный мир не перевернулся с ног на голову. Стон прошел над землей, кумиры-классики покатались, грохоча, в тартарары. Никто не устоял. А уж бедного пацана, пионера-героя, свергли с пьедестала и сделали врагом всего прогрессивного человечества, превзошедшим изначально-библейский образец злодея.

Двойному тезке было особенно тяжело, будто этот обвал случился внутри него с обрывом нежных внутренних тканей организма. Душа требовала чего-то страшного, наподобие очищающего самоубийства. Хотя Пафнутий и обладал уникальной способностью выкидывать проблемы из головы посредством забывания, но здесь такой тяжелый случай, что каждый, кому ни лень, многожды на дню напоминает тебе ухмылочками, а подкорке не прикажешь, она бунтует и ставит пикеты. И где еще не поговорить о веревке, как ни в доме повешенного!

Кому-то, может быть, нравится, когда ему в рожу плюют, а Пафнутию не очень. Хоть из дому беги. Заманчивый по своей простоте выход забрезжил, когда прокатился

по земле, в том числе магаданской, смерч выборов. Оказалось, для участия в них уже не требовалась апробация в недрах парткомов и профкомов, которые все, как один, люто ненавидели Пафнутия за самостоятельность суждений и талант самообучения и стремились морально стереть его в порошок – на всякий случай, из инстинкта самосохранения. Конечно, поучаствовать в выборах стоило, хотя бы ради того, чтобы увидеть, как выглядят деформированные надменные мурлофизиономии, когда он депутатом станет ногой открывать двери их теплых кабинетов.

Пафнутий – человек порывистый и многоканальный, как 16-дорожечный магнитофон «Грюндиг», на каждой дорожке своя блатная музыка наяривается, вот так ему хочется попасть одновременно в несколько мест: на рыбалку, охоту, в баню, махнуть в город за двести пятьдесят верст седьмой воды на киселе хлебать.

А вообще-то пора уезжать из поселка, 25 лет прошли, как миг, будто срок отмотал по мокрому делу. Такие ассоциации неспроста, ведь рядом с поселком зона, зекашек полно, куда ни глянь. Раньше об этом старались не говорить, а теперь, на фоне настоящей свободы хочется и за папу, и за маму, и за кота Ваську ложечку скушать, глоточек ее в три горла глотнуть. Нас, мол, тоже угнетали, а сейчас мы ух! – покажем, кто есть кто. А кто – никто.

Тут как раз писатель правдолюбец приехал из Москвы. Выступает в клубе, учит жить и волю любить, отдать голо-

са в Москву за самого демократичного демократа, который здесь когда-то сидел и чьим доверенным мурлом он является.

– Так теперь каждый в депутаты? Здесь люди и побольше отсидели... Кстати, как фамилию поменять? Как бы это лучше повернуть? – В обычной своей многозначной манере сказал Пафнутий, поскольку именно это пришло ему в данный момент в голову – стать депутатом, пусть не в Москве, так хоть в Магадане.

– Сменить фамилию? Проще простого. Допустим, ты по паспорту Белов. Стало быть, Вайс.

– Понял! Исаев и Штирлиц! Малдыр – Мойдодыр.

– Ну да, где-то так. Анатолий Климин – Том Клайм, Маликов – Кельвин Кляйн, Ледовской – Айсман, Красногор – Ротенберг, Черноног – Блекфут, Рыбицкий – Фиш, Лисицын – Фокс, Медведев – Бэр, Волков – Вольф, Птицын – Фогель. Христофор Ездовой – Крис Картер, Чизов – Сырьев. Калашников – Шмайсер. Кошкин – Кац. Поляков – Фельдман.

– А если иностранного языка не знаешь? – сказал Пафнутий и привычно поймал себя на мысли, но это гораздо лучше, чем ловить на слове и, тем более, на деле: «А если как их директор, – тогда как? В рукава просунул руки, оказалось, это Брюкер. Какие уж тут выборы!»

Правдолюбец пожал плечами и принялся своими столичными проблемами широкого полета загружать ошизелых узколобых провинциалов. У него, видите ли, память. Ничего

не может забыть. Энциклопедии в голову вбиты, телефонные справочники разных городов и тонны газет. Столько всякой всячины, будто резцом на граните вырезано. Какие-то десятистепенные встречи, имена и лица. Бабы второстепенные. Благо бы хоть приятное, а то до мрака доходит в своем парадоксе абсурда.

Одно время в газете работал, так блокнотов не вел, все запоминал намертво. Потом, чтобы выбросить из головы всяческий мусор, завел записные книжки, испишет и сожжет, чтобы вместе с чернильными строками информацию изжить. Зря – не мог из памяти вырвать ничего. Душа больным ребенком ныла и стонала, а перед глазами проносились сожженные слова. Пить пробовал запойно, но помнил все, каждую мерзкую секунду бытия. Головой в стену бился до сотрясения мозга второй степени, но – как с гуся вода, да каждая капелька камень долбит.

Пафнутий про себя знал, что глаза у него завидующие и руки загибающие, но прощал этот небольшой недостаток из-за суровости климата и заслуг в освоении Крайнего Севера не щадя живота своего. Естественно, он завидовал деньгам, даже малым, однако не сильно убивался каждому отдельно взятому случаю, находя достоинства в себе, затыкая порванную эмоциональную плотину мешками с житейским мусором. Завидовал он не только вещественным, но и нематериальным достижениям и свойствам, например, талантливому поп певцу, который как-то приезжал в поселок, трясясь

и стонал на сцене, а через час отбыл в гастрольном фургоне, оставив зону эмоционального разряджения, будто выпив весь воздух в округе, а потрясенные местные дамы все, как одна, в эту ночь отказали в ласке своим мужьям. А он-то еще шутил, мол, на Чукотке меня забросали гнилой морошкой, в Австралии тухлыми страусиными яйцами, а в Монголии бараньими курдюками.

Узнав о феноменальных способностях правдолюбца, Пафнутий загорелся, покрылся пятнами, затем позеленел, как лопух, опять покраснел, как перец, пошел испариной, как конский навоз и успокоился.

В эти мгновения ему вспомнилось, как в школе перед девочками опозорился, когда зеркало им в туалет на палке протягивал с целью подгляда и облажался на десять лет вперед, пойдя в отцовских калошах на двор по большому и наваяв в обувку. Нет уж, лучше склероз. Если помнить все неприятности, доставленные даже близкими людьми, все невыполненные обещания, жизнь превратится в ад. Ведь он не заскорузлый циник с кирзовой душой, стыд и страдания – не чуждые для него материи, эхх!

Разве я не прав, – размышлял Пафнутий? Могут ли быть воспоминания приятными? Стоит пойти их узкой тропинкой, обязательно сверзишься в какую-нибудь мерзость!

Склероз Пафнутию даже нравился, с ним жизнь бежала легко, без угрызений. Другие вон жалуются на головную боль и мучаются неизвестностью: что же такое с ними слу-

чилось, пока с наката на грудь пребывали в отключке. А он вообще не ведал, что творил и никогда не припоминал, что случилось день-два назад, поскольку такое забвение посещало его ежедневно. Слово «вчера» ему было чуждо, он строил массу планов на будущее, не смущаясь тем, что устремления были взаимоисключающи. Склероз помогал и в этом случае, словно жидким азотом вымораживая большинство всходов на грядке. Ведь когда сажаешь морковку, ее вскорости нужно прореживать, оставляя столько корешков, сколько нужно. Так и замыслы. Быстрая смена ориентиров, как правило, спасала от попадания впросак. На каждую волну интереса набегала противоволна, и на каждое ядие находилось противоядие, живительная сила самоуничтожения была безотказна. И нет прекрасней белого листа в книге бытия!

После собрания зарулили домой к Пафнутию, квартира его как местная достопримечательность для заезжих, куда могли приходиться в складчину и свои. Пили голубичное вино, закусывая долбаниной из чира, правдолюбец рассказывал, как работал по молодости санитаром в психлечебнице и вдруг неожиданно басом запел, а затем заговорил нараспев:

– Ой, склероз, склероз не склерозь меня... Тут у вас пребывает сын одной нашей милой дамы, работницы союза писателей, в вашей зоне, надо повидать. А вообще-то Амальрик здесь сидел – буревестник демократии, пора ему памятник поставить. Не склерозь меня, моего коня!

– Отчего ж, поставим, – авторитетно заявил Пафнутий, тут же забыв об этом, но именно тогда впервые появились у него вполне отчетливое желание и отвага назваться Склерозовым. Тем более что у правдолюбца псевдофамилия была Лайер, что означает Неправдин.

В редакции районной газеты, куда Склерозов приходил с коллективной жалобой на жизнь, его поразили ответственный секретарь. Фамилия его была Старухин, и Пафнутий легко переименовал ее на иностранный манер: Старк. Особо впечатляла манера давать клятвы по любому поводу. Мол, пусть у меня отсохнет все, если это не так и чем-то позвякивал в кармане. Наверное, мозги входили в этот список.

Когда Склерозов приехал в редакцию во второй раз, чтобы опубликовать свою программу, главным пунктом которой было перекрытие плотиной Берингова пролива и строительство железной дороги из Южной Америки через Северную, Сибирь, Европу в Африку, Старухин сделал вид, что помнит посетителя. Скривив рот в улыбке, он, как в первый приезд Пафнутия, достал из урны плотный ком бумаги, размером с футбольный мяч, бережно, в несколько приемов, развернул, отгребая окурки, селедочные шкурки и конфетные фантики, отодвинул консервную банку из-под бычков в томате, доверху набитую сигаретными бычками, бережно разгладил на столе, поискал глазами нечто, и, сдерживая носовое дыхание, произнес это в телефонную трубку, затем вновь сгреб мусор, смял бумажный ком, с силой переложил его из ладони

в ладонь, боксерскими движениями упаковал и резко метнул в урну: хак! Пафнутий понял: свой! Счастливый склеротик, не помнящий своих обещаний и не испытывающий грызни совести по поводу и без повода по ночам.

С утра Старухин набрасывал задание самому себе по пунктам, которыми нагружали его многочисленные друзья и родственники. Выполняя тот или иной пункт, он зачеркивал его жирным красным карандашом, а когда список завершился, приходил в неистовство, комкал листок, заворачивал вместе с другим мусором в газету и отправлял в урну, чтобы через несколько минут отыскивать телефон или фамилию как говорят археологи, в культурном слое.

Наверное, вот так и ему, Пафнутию, придется поступать, если станет депутатом, так же открывивать исполненные указы избирателей. Слуга народа, как ни крути! Кушать подано, что ли? И он зябко передернул плечами. Брррр! В тот вечер Пафнутий с удивлением и приятным удивлением узнал, что Старка не берет алкоголь, как и его самого. Ни водка, ни «Старка».

Решение Пафнутия сменить фамилию укрепилось после того, как он, выиграв выборы, вошел в состав местного парламента и встретился с начальником Жилтреста и спросил после радушной беседы, не забудет ли тот его просьбу под рубрикой «возможны варианты».

– Обижаете, – сказал директор. – Я могу отчитаться за каждый день и час любого из двадцати пяти лет работы.

Никакого компьютера, просто не выбрасываю бумаг, в конце дня корзинка пуста, а все листочки и записочки подшиты и вклеены куда надо. И бухгалтерские книги под рукой. Не надо загружать подчиненных, если требуется какая-нибудь справка. Да и не наврут. А то, знаете ли, левая рука не знает, что делает правая. Люди нередко жалуются на память и никогда на слабинку ума.

– Я не жалуясь на память! У меня ее нет. У меня и фамилия такая Склерозов. Пафнутий. Но кто меня хоть раз увидел, не забудет никогда.

Как особо ценный кадр неономенклатуры, Пафнутий получил квартиру в новом доме, построил там пять кладовок: в подвале, на лестничной площадке за лифтом, на крыше и стал заражать население своим боевым жизнелюбием и бытовой мудростью. Скоро у него появились последователи и поклонники, оптимисты и склеротики, любители баньки и полбанки пива под копченую горбушу с душиком. Пафнутий, как воздушный змей на ниточке, летал, чувствовал себя значимым, мудрым, умным и огромным, будто великан в стране лилипутов.

Тот, кто видел Склерозова и его компанию впервые, недоуменно восклицал: «Как? Как? Общество «Память?»» И получали решительную усмешку. Забвение, склеротизм-пафнутизм, укорочение памяти – только это дает иллюзию и счастье, особенно в наше смутное время. Размытые картины бытия, как сон без снов, песня без слов, картина без красок,

вино без алкоголя, рана без боли. Каждому времени – свои песни, свои герои. Главная черта пафнутистов – самоотречение, кто-то уже два раза отрекся от самого себя, друзей, идеалов, а кто и три, поменял как перчатки собственную кожу, а без наркоза-склероза сделать это невозможно. С другой стороны, несмотря на склероз, у Пафнутия редкая генетическая память, крепкие связи с праотцами.

Появилась в городе и альтернативная банька, прозванная в городе Мокробанк. Лидер ее, Огнев, хотел Феерферковым назваться, когда же его однофамилец облился бензином и едва не сжегся, протестуя против бюрократизма, стал Фальшфейеровым. Организовал политический тотализатор «Павлик рилейшн» и всегда ставил свои тридцать конвертированных серебрянников на беспроигрышную политическую лошадь, пферд по-иностранному.

Тот странный гражданин вылил себе на голову полтора стакана бензина с чрезвычайно низким октановым числом, такой уж смог достать на колонке, по всей видимости, разбавленный, и вызвал для крутого разговора высокое должностное лицо. Пока его грозный ультиматум циркулировал по коридорам власти, горюче-смазочный материал, явно керосинового аромата, ударил парами в глаза самозаложника, полоснул по обонянию, наждачно шаркнул по коре головного мозга, токсикоманы это хорошо знают. Больше всего стало глазам, они слезились ручьями, да просто жаль стало себя во цвете лет. Когда вышло должностное лицо, у протестан-

та было лишь одно желание: промыть гляделки, и соответствующие указания сопроводить до умывальника были отданы дежурному постовому. Протестант умылся, отсморкался и влажным дрожащим голосом поблагодарил всех, кого увидел обновленными очами, за помощь. Вот еще штымп выискался!

Собственно говоря, данный случай напрямую не относится к Пафнутию, но это лишь на первый взгляд. Вон Холодову Диме памятник поставили, а надолго ли?

Упсовый Пафнутий

Когда на всю квартиру разнесся жгучий запах мыла, Пафнутий понял, что случилось непоправимое. Как ни жалко, снял кастрюлю с огня и вылил содержимое в унитаз. А варил он себе американские куриные пупки, привычно купленные на базарчике возле «Луча», по форме и запаху напоминающие обмылки. Это была не первая неудача ветерана быта. До этого он прокололся со свежим молоком, по вкусу точь-в-точь восстановленное, да и с маслом дал промашку, голимый маргарин. Уж, не переключиться ли на покупки в магазине «Адмирал», где каждый раз задаром дают фирменный пакет?

Впрочем, так круто рвать с привычками нельзя, – отогнал от себя смелую мысль Пафнутий. Да и причина на сей раз, в общем-то, субъективная: промывал пупки в раковине и смахнул туда заскоруждой рукой обмылок, а затем сварил. Ничего не поделаешь. Зато будет, что рассказать друзьям, пусть посмеются, не пропадать же такому случаю в неизвестности. Мыльная опера какая-то, и он ее сочинил. Хорошего мало, но и не конец света. Какая-то старческая рассеянность обуяла. Или, скорее всего, простуда начинается, от нее вся моральная слякоть и пессимизм песий.

Мыльная опера – тоже придумают! Вот если бы деньги так не кончались, как эти сериалы!

Пафнутий Склерозов был внушаемым человеком, знал это про себя и если относил это иногда к недостаткам, то если это касалось кого-нибудь другого, компанейский человек должен быть терпимым. И вообще-то лучше не противиться судьбе, она знает, что делает и обязательно вывезет по кри-вой дорожке.

После того, как Склерозов рассказал друзьям в бане о своей проблеме, ему подарили пойло-ерш Бритого, и уже через день он почувствовал, как отрастают внутренние крылья. С большей, чем прежде, энергией стал прогуливаться по городу, как он говорил, по большому кругу, навещая приятелей, с кем был связан горячими узами парной. Березовые флюиды витали в воздухе, напоминая о телесной и душевной чистоте, романтике и отвлеченных от какого-либо смысла разговорах. Дружбу он заводил легко, по наитию, мать ее, будто привечал щенка, который, как правило, из благодарности по зову души в щенячьем восторге чудесным образом начинал поить его пивом на халяву.

Телевизору он тоже верил и был благодарен за то, что рекламисты втягивают зрителей в веселую игру, к которой нужно относиться с иронией, но если не верить ничему, можно, в конце концов, оказаться в дураках. В силе моющей жидкости, которую рекламировали с помощью сценки из двух испанских городов, он убедился на собственном опыте. Три месяца мыл тарелки одной бутылочкой этого пахучего мыла, правда, не очень жирные, ведь сало – радость универсала,

он по случаю отъезда жены на материк ел с дощечки, селедку и лучок с газетки, картошку со сковородки, а пельмени с дуршлага.

Названия иностранных городков из рекламного клипа он пытался отыскать в атласе, но безуспешно, и это вызвало желание назвать их Содомом и Геморроем. Пафнутий не терпел обмана и если попадал впросак, старался отыскать для себя смягчающие обстоятельства. Втайне он продолжал надеяться попасть в Испанию и поискать населенные пункты на местности с помощью языка, который, как известно, при настойчивом применении доводит до Киева. Только он никак не мог взять в голову, зачем жарить на противне столько мяса, когда есть шампуры. И если уж остались горелки от шкварок, то ведь их можно было бы корочкой хлеба отшлифовать! Эх, заелась заграница! Надо же – сало в канализацию спускать! Цивилизация, называется!

Один молодой мужчина рассказал по телевидению, что служил в иностранном легионе во Франции. Познакомился с одной шерше ля фамой. Позвала в гости. Ну и он, чтобы ее удивить, принес шмат сала на два килограмма, который ему прислали с родины через три границы, чтобы, значит, от чистого сердца ту иностранку окончательно покорить национальным блюдом – салом с чесночком. А она, ни слова не говоря, развернула холщовую тряпочку и даже не попробовала гостинец, в мусоропровод скинула. Это, мол, яд! Сказать не смогла, так нарисовала на листке череп и две ко-

сти. Услышав такое, Склерозов побагровел от негодования, но тут же остыл. Он понял так, что парень шутит. Сам любил пошутить, баки залить, лапши навесить, но до такого ни разу не доходил.

Пойло-ерш исправно служило ему, а это уже кое-что. Поднимал эмоциональный тонус на должную высоту. Поэтому, простыв, Пафнутий доверчиво потянулся к другому медикаменту, аспирину-упса, хозяин аптеки был его банный знакомый, и, встретившись в офисе, они пошутили над созвучием в названии «упса», почему не «попса»? у пса. Или опоссум – созвучный, хотя и неведомый для наших мест зверь.

Если что, звони, сказал приятель и записал на листке свой телефон, поскольку Склерозов не признавал визитных карточек из-за мелких букв. Решив не поддаваться простуде, Пафнутий, не откладывая в долгий ящик, тут же, в кабинете аптечного знакомого, выпил упсы, вытер усы и принял баночку пива на халяву, вспомнил с приятелем старые времена, когда пивко было густое и темное, настоящее на ветках стланика, и как они ящиками употребляли его с друзьями, непременно подчеркивая, что это жидкий хлеб.

Водка тогда тоже была прекрасная – мягкая и сладкая, как женщина в сорок лет. Магаданцы ходили веселые, часто пели за столом, дрались редко, а если случалось, не били по лицу, а лежачих не пинали по печени. И еще ему припомнилось, что бичей было больше, но одеты они были приличнее, приходилось приглядываться, чтобы отличить иного де-

классанта от гегемона. И вообще они по большей части летом работали – кто в море, кто на сенокосе, а кто и на золоте. Теперь-то все пообносились, и многие пахнут конфермой, больше стало паразитарных насекомых, болезней, а горячей воды, мыла и элементарных лекарств – гораздо меньше. Жизнь перестала что-либо стоить, а смысла ее не найдешь даже на дне бутылки. Кстати, раньше собирая стеклотару, можно было кормиться, а теперь пиво в банках, а водка в одноразовых, с винтом, бутылках. Да что уж там, одернул себя Пафнутий, надо отлежаться, чтобы людей не пугать. Пессимизм – он такой, с насморком возрастает. А солнышко пригреет, так жить хочется.

Дома, достав из кармана лекарство, он обнаружил небольшую листовочку, отыскал очки и принялся читать. Оказалось, медикамент предназначен для беременных женщин, а в качестве побочного эффекта возможны боли в низу живота, крапивница и жар в коленях. В ту же минуту у него зажгло в указанных местах, боль стрельнула, как из двустволки в колени и в локти, начались родовые схватки.

Онемев от такого вероломства, Пафнутий не мог взять в толк, что делать дальше. Хотя не потерял уверенности, что является мужчиной и при родах неминуемы осложнения. Любое вероломство ставило его в тупик, поскольку он привык жить на доверии и если подшучивал над кем-нибудь, то не зло. Не загонял в угол. А так, как его, он никого не подставлял. Наконец он почесал в затылке, помотал головой,

страхнул оцепенение и решил позвонить приятелю, с которым только что расстался: сказать, что он примерно о нем думает.

Телефон припомнить не мог, но был уверен, что где-то его записывал. Перерыл карманы, залез в стол и под диван, а когда бессильно развалился за столом и машинально перевернул повергшую его в шок листовочку, обнаружил пятнадцатую цифру, которая вполне могла оказаться телефонным номером. Но звонить не стал, отчетливо вдруг поняв, где упса зарыта. Боль прошла, жжение погасло, да и насморк свернулся в клубочек. Придя в себя, он стал любить жизнь и наслаждаться ею. Все-таки, где-то, судя по-большому, новые телевизионные доброжелатели не подвели.

Включив телик, услышал привычный призыв принимать шипучий аспирин и вспомнил восторг незнакомого мальчика в аптеке: «Мама, купи мне аспирин-упса!» С таким восторженным тоном, будто речь шла о необычайно модной игрушке. Вот, стало быть, и я отметился, – у Пафнутия было ощущение, как если бы он учился в Гарвардском университете и неожиданно посреди пустыни Гоби встретил своего однокашника.

А симпатичная женщина с экрана призывала использовать гигиенические прокладки «обрез культа», которые не подведут в критические дни, с ними всегда будет сухо. Другой бы наплевал и забыл, но не Пафнутий. Нерешенка могла довести до сердечных колик, он предпочитал нахо-

дить какой-нибудь, пусть и не гениальный, выход из положения и отстрелить очередную ступень ракеты, чтобы двигаться дальше в туманную мглу бытия. Помучившись с полчаса, он направился к соседке.

– Ишь, что удумал, изверг, – воскликнула она в восхищении. – Надо же, змей, какой! Видала я всяких, но этот... хрен-брюлле...

Пафнутий тем временем сочинял текст нового рекламного клипа, в котором готов был сняться сам, за приличное, разумеется, вознаграждение.

Прокладки «обрез культа» сэберегут ваши ноги на охоте и рыбалке, в экспедиции, везде, где вы ходите в резиновых или кирзовых сапогах, в ваши критические дни и ночи, если класть их в сапоги вместо стелек: ноги останутся совершенно сухие, кроме того, прокладки удержат запах. Это вам не портянки! Незаменимы также при охоте на медведя и других уп... оп... опасностях, народные памперсы «Крутой Пафнутий».

Закончив писать, с чувством исполненного долга автор выпил пойло-ерш Бритого, растянулся на диване и сладко, как пиво на халяву, уснул, посапывая: «уп-ссса-уп-саа-уп-сссс-аа».

Приснился ему странный и нелепый сон, будто бы умер в одиночестве, и вся квартира наполнилась запахом гнилого мяса, но соседи по коммуналке не обращали на это внимание, поскольку у него и раньше стоял этот запах: от куриных

окорочков второй свежести, с наркотическим эффектом, как от грибов мухоморов. При вскрытии у Пафнутия были найдены колонии сальмонеллы, гепатит А и Б (сидели на трубе), дизентерия, бубонная чума (холера ей в бок), а также вирус Эбола (хоп, и нету балабола). Непосредственная причина смерти – аллергия на почве ОРЗ.

Когда хоронили Пафнутия, пришедших попрощаться с покойным поражало, как свежо он выглядит. Еще бы – целых три дня не употреблял окорочков и не лицензированной водки. Ну, до похорон-то собственно не дошло, оклемался мужик. С того света, как с курорта, возвернулся.

Прогулки по Магадану

Шампанское из изюма

Ревю

Пойду я прогуляться, товарцу прикупить. Или как теперь говорят, скупиться. Но вначале надо оценитья, иначе можно и оцениться.

А солнышко сияет, лучи в лужах мочит, блинчики из грязи печет. Шустрый гаишник в камуфляже спрягает какого-то качка из «Нисана». Могучий такой, как из спортивного общества «Нетрудовые резервы». В голове моей так и вертится непрошенная фраза «Уставный капитал неуставных отношений».

А что в центре города процветает, так это малый бизнес малоимущих старушек – укропно-пучковой. Я бы тоже, быть может, занялся бизнесом, да где взять стартовый капитал? Был у меня финишный: на похороны копил, так те деревянные рубрики Гайдар отдельно от меня досрочно зарыл.

Только это подумал, кто-то, будто подслушав мои мысли, над ухом гаркнул: «Двойной гражданин, тройной агент, пройдемте!»

Да вы бы еще двойным бухгалтером назвали! Ну, эта Кла-

ва не из моего анклава. Не с той оперы эти оперы. И вообще приятно почувствовать себя не за рулем и помечтать о банке пива. Особенно если в каждом киоске оно есть, и в широком выборе. Хоть в банках, хоть в бутылках. Не надо изобретать средство против рака. Это пиво.

С гаишниками я в свое время дружил и даже придумал несколько дружеских шаржей-миниатюр, как-то: «ГАИ, ГАИ, моя звезда! Ямщик, не ГАИ лошадей! Раппопорт сдал, раппопорт принял! ОБХСС плетью не перешибешь! Я встретил ВАЗ в логове Логоваза».

От моих придумок некоторые выпадали в осадок, а кто и в мусор. Даже из тех, кто мечтал стать новой метлой. Поэтому и появились лежачие полицейские. От милиционеров они мало чем отличаются. Полиция бьет по лицу, а милиция по морде. Но только в особых случаях, оговоренных законом прямого действия. Таких не очень много, например, закон Архимеда для подозреваемого, погруженного в жидкость. Ну, когда он по городу бежал голый и кричал «Эврика!», ему не милицию, а «Скорую помощь» вызывали.

Те, с кем я дружил, продвинулись по службе-дружбе до полковников, и один побыл генералом, ушли в молодые пенсионеры, а новые ребята совсем другие, и единственное, что мне приходит в голову, так непонятное словечко «прадедовщина». Ведь сам я как был рядовым запаса, так им и остался, мои внутренние достоинства не переведены на эквивалент погон. Как непереводаемая игра диалектов.

Кстати, некоторые дамы из журналеров опогонились, есть одна подполковница. А вот женщину в знании генерала, и чтобы в юбке с лампасами, ни разе не видел.

Мой товарищ, профессиональный поэт в момент просветления сказал как-то черным голосом: а ты, мол, знаешь, я бы по возрасту уже мог быть контр-адмиралом. Сейчас его внуку уже лет десять от роду. Книжек он написал с десятков, и все завидовал более талантливому товарищу по общежитию, которого женщина подушкой насмерть задушила.

У меня и автомобильная тема отражена: «Говорила Инна Марку: ты купи мне иномарку. Отвечает Инне Марк: разве сам я не подарок?» Это было давно, теперь я понял, плетью обуха не перешибешь, заполонили японками все улицы. Мчатся белой вереницей. В задизайненных кабинах водители чувствуют себя примерно так же, как циркули в готовальнях. В сиденьях выемки, рассчитанные не на наши седалища. Терять самоконтроль начинаешь не с головы, а с кресла.

Особенно если за рулем обезьяна с гранатой, что уже не редкость. Они часто бьются, эти зарубежные игрушки, лишая жизни наших молодых людей, и иногда мне это все кажется изошренной китайской мезтью Японии за проигрыш в войне. Да и у наших ума нет. Какой русский не любит быстрой езды на иномарке! Автомобиль «Исудзу-Труппер», преследуя неопознанный летающий объект на Арманской трассе, врезался в 630-миллиметровый ртутный столб. На месте происшествия обнаружено два труппера.

Как сказал классик, о, Русь, куда несешься, ты, япона мать! Душа одного из наших земляков, я слышал это собственными ушами, поднимаясь над бренностью мира, тихо бормотала: мол, примерный же образ жизни вел, ну единственный раз изменил жене, однажды выпил слегка и надо же, казус, заснул за рулем.

Да, заладил! Вон сколько всего интересного. Собака редкой породы виляет отстреленным хвостом, дожидается у светофора. Умные стали зверюги. А мне, в конце концов, можно улицу не переходить, и на этой стороне тридцать три удовольствия. Сизым дымком дохнуть, смазливой пассажирке подмигнуть. В Магадане очень симпатичные женщины, красавицы, это особо бросается в глаза, когда тебе пятьдесят. Но когда в городе магнитная буря, притягивают железные женщины.

А зайду-ка я в магазин «Полярный»! Выбор там богатый. Колбаса есть, красивая, краковская. Есть в ней нечто, вызывающее эффект привыкания. Полукопченая полуколбаска. Сосиски, гекачупачупсы и чипсы. Глаза разбегаются, не знаешь, на что разориться. Чип и Дейл спешат на помощь. Американец кукурузу жарит – поп корн, не в коня корм. Слюнки текут, того и гляди, опозоришься. Пора проявить решительность. Взвесьте, – говорю, – тридцать граммов депутатской колбаски. Минутку, – отвечает, – я вам лучше останкинскую продам, она телегеничнее. Взвешивает тридцать один грамм. Очень смущается. А больше, можно?

Так уж и быть! Настроение у меня сегодня хорошее. Только придется сыру отвесить не 20, а 19 граммов. Диета. Заодно молочка сто граммов нальете? Бутылку на троих? Что ж, на троих нам привычно. Лишь бы компания подобралась хорошая.

Кстати, о знакомствах. В этом магазине и книжный киоск есть, одна интеллектуалка работает. Надо возле нее постоять, биотоками обменяться. А книг-то сколько! И все такие непривычные, как с другой планеты. «4000 полезных советов», – нулей-то сколько, как на купюрах, в духе времени. Во! Купить не по зубам, так полистать хоть. Много полезного в этой книге. Как постирать деньги в стиральной машине, если они загрязнились. Наверное, это специально для теневых дельцов написано. А время-то весеннее: пора открывать промывочный сезон на золотых полигонах!

Или вот совет, как сделать шампанское из 22 бутылок воды, дрожжей и изюма. Меня на днях сосед угощал импортным шампанским, так оно, похоже, именно по этому рецепту изготовлено: сладкое, и голова начинает болеть сразу же после первого глотка, как с углекислотой справишься. Как говорится, пир во время дизентерии.

Кстати, о болезнях. Есть в этой книге интересный совет, как лечить гангрену. Нужно к больному месту приложить сырую, не отмытую баранью печень, и она вытянет хворь через кожу. Если будут образовываться пузырьки с гноем, их следует вскрывать булавкой и обрабатывать зеленкой. Яс-

но. Но один вопросик вертится нахальной зеленой мухой. Если гангрену вылечишь и останешься живым, то куда эту печенку девать? Не выбрасывать же! Разум мутится от такого ужасного предположения о вторичном использовании печени. Кстати, есть тут одна фирма, которая сырой печенью торгует, затоварилась, можно сказать. С чего бы это? Задумаешься до головной хвори. А как ее лечить? Может быть, бараньи мозги прикладывать, а возникающие пузырьки мыслей протыкать английской булавкой или небольшим финским ножичком?

Нет, этого наплыва ассоциаций мой организм не выдержит. Надо прогуляться, воздухом свободы подышать, захватывая столько, сколько можешь проглотить. Хорошо, что теперь очередей нет, а то я с такой возросшей впечатлительностью ни одну из них не смог бы выстоять.

Говорят, улица театр заменяет. И ты можешь сыграть в нем роль. *Быть или не быть* там, а лучше *кушать подавно* – явно недооцененная ролька. Теща у меня была артистка в этом смысле! А жена научилась рыбу в мясе запекать так, что на вкус – вылитый сыр со слезой.

Все теперь систему Станиславского освоили. Собираются небольшой массовкой и скандируют: «Не ве-рю! Не ве-рю!» Артисты. Окончили ускоренный курс Свакбанка и твердо знают, что театр начинается с вешалки, где донага раздевают и голыми в Африку пускают, а иногда крупно обувают. Создали общество обманутых вкладчиков. А если жена об-

манула? Ну не в этом, конечно, смысле. Просто филе минтая выдала своему Филе за куриные окорочка? Иногда, наверное, это не драма, это балет, новая редакция «Лебединого озера»?

Некоторые уже освоили танец живота с саблями, грубо именуя его голодным брюхом. Но самая доступная ролька без слов – в анатомическом театре. У меня, если честно, в последние два года единственное развлечение – поминки. Не имей сто рублей! Как-то на юбилей позвали, так я никак не мог сообразить, почему виновник торжества сидит за столом, а не лежит в строго отведенном месте.

Кстати, живу я неподалеку от театра и прогуливаюсь возле него. Артиста знакомого встречаю. И он в дружеском порыве говорит: хочешь почувствовать себя солдатом НАТО?

Перед моим мысленные взором промелькнули англичане, французы, немцы, бельгийцы вместе взятые. Или Россия уже вступила в этот военный союз, а я проморгал? Вообще-то я не военный человек и не отличу мушки от москита. Меня и с военного учета по возрасту сняли.

Нет, говорит, почувствовать НАТО в смысле пропитания. Изнутри. Пайки натовские продаются – «Комбат». Коробка на четыре дня. Это же, спрашиваю, яйца, млеко что ли? Тринкен шнапс? Нет, до шнапса не дошло, а кофе и чай есть, наряду с супом и смальцем. Мне, говорит, дневного рациона на неделю хватает. Недорого и вполне съедобно, даже вкусно. О вкусах, конечно, в кустах не спорят, но когда осозна-

ешь, что с этого харча солдаты блока должны были черпать силы, чтобы противостоять мировой коммунистической системе в театре военных действий, то какой-то холодный непредумышленный пот прошибает. Империя зла, любишь и козла?

Характер у меня скверный, не могу удержаться, спрашиваю артиста: мол, сам-то тоже бывший коммунист и роль Ленина играл в пьесе, а теперь? А он не задумываясь, как Отче наш: заставляли, мол, – и такая чернота в глазах, что веришь: на электрическом стуле мужика пытали, звезды вырезали на спине. Марксизм-ленинизм – вечно живое, всепобеждающее лжеучение. Ну, артист! Кто только ему текст написал?

А он в роль вошел, СССР, – говорит, – разрушила Пугачева: поссорилась с Паулюсом, то есть, извини, Паулсом и дала толчок Прибалтике. Сама певица от этого даже выиграла: теперь билет на ее концерт вон сколько стоит. Хоть инфляция, хоть падение кур-са-бля без ан-самб-бля, – это покруче, чем в застое – сухой бы я киркорочкой питалась. Саблезубая улыбка.

Ладно, поболтали, пора и честь знать. Газеты не читаны и даже не куплены. Может быть, мы уже стабилизацию падения прошли и находимся на большом подъеме, а я об этом ни сном, ни духом. Нельзя пропустить этот исторический момент. Недаром в Магадан приезжал сам ЕБН.

Вот, кстати, и киоск с газетами, сникерсами и прочими радующими душу тампексами. Мальчик лет десяти просит

продать ему спички. Киоскерша, кстати, очень симпатичная особа, с родинкой на щечке, в легком ужасе отказывает. Видимо, старой закалки женщина, не пережгла в себе остатки тоталитаризма и не понимает, что этот молодой человек – ровесник перестройки и у него-то точно процесс идет. Будучи в хорошем настроении, близком к кайфу, я не удержался и спросил пацана: тебе, быть может, сразу динамит приобрести? Ответ мальчика был скор, как удар теннисной ракетки президента.

– А у меня и так динамит.

Он достал небольшую картонную трубочку не нашего производства с серо-зеленым содержимым, отошел на три шага, да как жახнет! У меня аж пыль с лысины посыпалась.

– Это что, фигня. Вот Миха, мой брат, достал петарду, так ему руку оторвало! А это мелочи.

Подрастает смена! Свободные духом люди. С новыми ценностями, отсутствием низкопоклонства – смысла и внутреннего редактора. Даже какая-то шальная гордость берет. Дети – динамит жизни.

Помню, в восьмидесятом году на пляже в Адлере в бархатный сезон я для поддержания разговора сообщил симпатичной молодой особе прочитанную в газете новость: Сомосу из базуки грохнули. Она вежливо улыбнулась, а через минуту спросила, что такое Сомоса. А еще через минуту, что такое базука. Я терпеливо объяснил. Тогда она и третье слово попросила растолковать. Тоже была артистка. Чехова лю-

била. Если в первом действии висит ружье, то в последнем дама – она подполковник милиции, гуляет с собачкой.

А теперь так: если с первых строк, это я о газетах говорю, стреляет «Калашников», то потом обязательно жди падения самолета и взрыв в доме, похожий на землетрясение, а в промежутке очерк о людоеде и неизвестном вирусе, от которого человек превращается в головешку. Поэтому газеты лучше читать на людях, в скверике: найдутся добряки, в крайнем случае «Скорую» вызовут. Люблю я возле памятника Берзину посидеть. Хороший, говорят, был начальник лагерной системы. Как перестройка началась, ему демократы первому бюст установили. Одна буква отскочила, так ее пластилином приклеивали. Мне художник рассказывал.

Вообще-то теперь многие склоняются к тому, что высшая форма демократии – диктатура. Вспоминают и превозносят Пиночета, для желудочной обработки умов завезли соус «Чили». Мы его уважаем, хотя и привыкли к хрену, который не слаще редьки. Я так скажу: все, что разрешено, должно быть надежно запрещено законом, а истина отнюдь не в закуске, а в вине. В наказании без преступления и безнаказанности преступника.

Раньше многое читалось между строк, а теперь я просматриваю и так и этак заголовки газет – и правых и левых, и центровых, но никак не могу вычислить, что имели в виду авторы. Отдельные слова еще как-то долетают до сознания, но не склеиваются друг с другом. Какая-то дрема разу-

ма. Будто шел по краю биополя, с которого уже убрали сто центнеров чакры с гектара, запнулся, упал, потерял сознание Кришны, очнулся – сникерс. Ум за Аум сенрике зашел. Вроде как работаешь от зарина до зарина, делаешь морду лопатой, а харю – рамой, но как говорится, сосальхен копальхен. Абсурдокамера какая-то.

И вдруг явление зверя народу. Собака редкой породы с отстреленным хвостом, которую я заметил еще у светофора. Такие-то и теряются в городе. Опечаленные хозяева разыскивают их с помощью телевидения. На какие только ухищрения не идут, шьют белыми нитками свои объявления. Мол, собака очень злая, нуждается в хорошей ласке хозяйна, а понимает только палку, и у нее глисты, верните. Или так: доброго друга – добермана Кешу ждет малыш, третью ночь не засыпает. Видимо, возвращают, за вознаграждение. За деньги теперь все что хочешь, вернут, даже молодость – на день-другой.

А мой сосед, который еще угощал меня шампанским, за свою собаку отдал хрустальную вазу. Псина терялась, а через год нашлась на Новой Веселой. У нее лапы болели. Какие-то страшные язвы – до костей. Что только не делал, как ни лечил. На Мертвое море хотел везти, визу ожидал. И все-таки не выдержала душа, пристрелил. Ему новый пистолет на службе выдали. Двадцатизарядный «Стечкин». Вот он и всадил всю обойму, чтобы наверняка. Чтобы не мучилась. У него по движущейся мишени плоховато раньше

получалось, начальство на него косо смотрело. Теперь сдал зачет. Шампанское с ним пили, он и рассказал. Вообще-то собака была тещина. Теща на материк уехала, оставила. Эта собака много лет прожила с женщиной и здорово на нее стала походить. Как две капли воды. Голос, прическа. А вода – она камень долбит. Жаль, – говорит, – не было зачета из бazuки стрелять. А то бы гранатой ее прикончил.

Вот и у этой собаченции, что к памятнику подбежала, тоже с хвостом неувязка. Ну, я не знаю, у моего другого соседа собачка родилась уже с купированным хвостом. Недавно узнал, что он в прокуратуре работает, загадочный такой. Я был уверен, что он ветврач. У него кошка по одному котенку рождает: все равно ведь остальных топить. Я думал, селекционер, ведь у нас в стране лучшие селекционеры или в прокуратуре служат, или в МВД. Как и этот, Берзин, кому памятник. Подходит та собачка к подножию памятника и лает. Не для того, чтобы злость вылить, а чтобы обратить внимание. И когда, по ее мнению, Берзин внял этому зазывному лаю, устремляется вперед. Будто он должен кинуться навстречу. Через три-четыре собачьих шага останавливается, оборачивается.

Не обнаружив преследования, собака терпеливо возвращается и мягким лаем объясняет правила игры в догонялки. И вновь танцующей артистической иноходью устремляется вперед. И снова этот видный мужчина, с хорошим бронзовым загаром, ничего не понял. Стоит, как вкопанный. Исту-

кан! Честное слово, будь на его месте, я бы поиграл с собачкой. Ну что с того, что ты бронзовый, ведь не каменный же! Все, нет больше сил, на это смотреть! А потом я поражаюсь мастерству скульптора. Наш мастер. Надо же, так изваял, как живого. Даже собака поверила! А вообще-то, может быть, эта собачка тоже из милицейских? Есть служилые, им даже звания присваивают – может, лейтенант. Но это уже слишком! Сердце рядового запаса начинает слегка ныть и даже поскуливать, по-собачьи. Это хорошо, что собак пока что не научились использовать нарушители закона в качестве сообщников своих преступлений!

Некоторые спрашивают, почему я эти наблюдения назвал ревью. А вот сидю и ревью. Ревю и писю. От полноты впечатлений, должно быть. Сегодня по кабелю фильм ужасов. Вот тогда и посмеюсь. Эти американские ужасы – все на один мотив. Появляется какой-то скорпион громадных размеров и источает слизь. Эх, ребята, думаю я тогда, Спилберги с Копполами, вам бы к нам на месяцок – для обмена опытом. Или совместное предприятие открыть на Колыме от Формер-безобразис.

– Собака лаяла на дядю фраера, – сказал, подсаживаясь на скамейку какой-то полужнакомец. Я улыбнулся ему и предложил отхлебнуть из банки с баварским медведем.

Отпил, усы отер, стал про свою Лайзу рассказывать. Однажды, мол, колбасы ей дали. Почти два куска. С тех пор за колбасу в огонь и в воду. Однажды врача теще вызыва-

ли, так не подпустила ни в какую. Умная собака, профессор прям. Лайза, очки! Несет. Лайза, газету! Тащит. Лайза, пульт! Волокет пульт от телевизора. А сама на кухню, к шкафчику тянется, к колымскому «холодильнику». Слюнку пускает, колбаску ждет. Чует, где собака зарыта.

Чтоб тебе! Как тесен магаданский мир! Да я эту Лайзу знаю. У нее странная привязанность. То к магазину «Ковровые покрытия», то к пивбару, то к обществу с ограниченной ответственности закрытого типа. Привязанность, подкрепленная тонкой стальной цепочкой.

КАРАКУРТ, ОТКРОЙ ДВЕРЬ!

Что такое каракурт? Наверное, вы думаете: ядовитый паук, житель пустынь, укус которого смертелен для человека, и к пораженному месту следует незамедлительно приложить спичечную головку и поджечь, если нет под рукой каленого железа? Вы думаете, в самом названии этого существа «черная вдова» заложена особенность самки после спаривания поедать любимого осьминоного «зайчика»?

Я тоже так думаю. Но, оказывается, есть другой смысл этого тюркского слова. «Каракурт» – это товарищество с ограниченной ответственностью в Магадане – платная стоянка в микрорайоне, прозванном Простоквашино. По данным санэпиднадзора и пожарной инспекции, укушения автолюбителей там не наблюдается. Тем более, поедания.

Платных автостоянок в городе становится все больше. Их уже больше сорока. Известностью пользуется «Макао». Ее тезка – город в Юго-Восточной Азии – получил новое имя и статус. Отразится ли это на нашей «Макао», сказать трудно. Зато стоянка «Гейзер» возле базара на Пушкина вряд ли будет переназываться. А на пути в морской порт так вообще стоянка «Тойота». Хотите комментарий? Там машины стоят в очереди, не сдвинутся ни на йоту, пока их не купят.

Пока рукопись лежала, дожидаясь публикации, «Макао» снесли и построили на этом месте крытый стадион для зимнего футбола. Но «Макао» возродилась в том же районе, на Кольцевой. Обрела новый статус: стала крытой. А поблизости теперь шиномонтажки и магазины запчастей. Не говоря уже о существовавшей и ранее станции технического обслуживания.

Когда показывают французский фильм, бросается в глаза, что улицы Парижа впритык заставлены машинами. И мы к этому приближаемся. По центру Магадана идешь как по автобазе. Не продохнуть. Вправо-влево взгляд бросил и чуть не попал под джип. Надо было третий глаз развивать с помощью йоги. Если у нас более 30 тысяч машин в городе, а каждая занимает три метра с интервалом, то длина колонны 90 километров. Того и гляди, улицы станут одной бесконечной стоянкой, а первые этажи всех домов – единым безразмерным прилавком. Каждой магаданской семье – по предприятию торговли!

Теперь о «Триаде». Знаток утверждает, что под таким названием действуют тайные общества Юго-Восточной Азии, занимаясь грабежом, рэкетом, спекулируют валютой, золотом, наркотиками, торгуют «живым товаром» и человеческими органами. И вот в 90-х годах «Триада» свирепствует в Магадане. Пока не закрылась, занималась торговыми операциями, привозила из-за границы хорошую (по тем временам) электронику, всячески убажывая обывателя. Вполне достойна доверия. Тем более что уже работает под другим именем. Под каким? Но это же коммерческая тайна! Оглянись вокруг и увидишь, как на тебя обращен прицельный взгляд торговца в перекрестье кассового аппарата. Сейчас он срязит тебя сладким словесным соусом – сочетанием цены и качества. И скидками – как при ловле камбалы на закидушку.

Название для кафе на берегу Нагаевской бухты – в переоборудованном детском садике – придумывали коллективно, в городе был объявлен конкурс. Какое-то время там повисела вывеска «Каменный венец» – тезка географическому названию. Этот памятник природы находится здесь же. Хотя я не припомню, чтобы подводились итоги конкурса. Все течет, все меняется, особенно на берегу моря. Там уже какой-то павильон появился – для фирменного распития пива «Балтика», и возле него шустрый молодняк у пенсионера пять рублей на сигареты клянчит. Гора с горой не сходятся, а море с морем – пожалуйста! А балтийское пиво с магаданским не сошлись характером. Магаданское стусебалось,

вместе с газировкой. Не выжило без дотаций. Зато у нас закуски вдоволь. И сельдь, и лосось, икра, крабы.

Есть еще одно море – Каспийское – в названии кафе возле сквера имени 60-летия Магадана. Двухэтажное, постройки последних лет. Кавказцы возвели и назвали так. (См. далее «Желтое море».)

Ах, эти названия! Сколько мук приходится терпеть, чтобы придумать заголовок к статье или рассказу. Будто имя ребенку дать. Назвать трудно, еще труднее найти такое слово, чтобы пробило защитную оболочку человека, заставило шелестнуть купюрой. Пронзить толстый слой изолировочного шоколада. Сладкое ощущение одноразового родства душ не дает покоя. Я хочу предложить магаданским бизнесменам следующие заготовки. «Мертвая голова» – в прошлом дивизия СС, ныне скорняжье ателье и мастерская по изготовлению париков из материалов заказчика, а также выделка скальпов.

«Коза ностра» – к итальянской мафии не имеет никакого отношения. Это система фермерских хозяйств по производству целебного козьего молока для грудничков и козьего пуха с выделкой оренбургских фирменных платков, только еще лучше. Переводится данное выражение так: «наше дело». И что бы вы думали, пока я этот рассказец сочинял, открывается на улице Билибина магазин, на вывеске которого значится общество с ограниченной ответственностью «Наше дело». Как говорится, мама миа парка припарка! А какое собственно наше собачье дело?

А ведь через год-другой исчез с горизонта этот магазинчик. Переименовался. Не без влияния сами знаете, кого. Читателей. Думаю, они вносят свою лепту в редактирование текстов. Я даже эксперимент провожу: уберут ли с одной из вывесок изображение белого медведя – жителя Северного полушария, а название такое: «Антарктида», которая, напомню, в Южном полушарии. Лучше уж бы павлина изобразили – говорят, они водятся в Ольском районе. Впрочем, тут недавно одна газета писала, что птицы с полюса на полюс перелетают. Может, пингвины из Антарктиды скоро появятся. Не летают, говорите. Но ведь и женщины не летают, а залетают.

Кстати, о парках и скверах. Предлагаю городским властям переименовать городской парк, все еще носящий имя палача Ягоды, в городской сад имени маркиза де Сада, а Колчаковский ключ, впадающий в море, словесно совместить с магазином «Адмирал» в холдинг. Собственно слово-то из военного лексикона. А не военный ассортимент предлагают: покушать, выпить.

Возле цветочного магазина «Магнолия» на улице Маркса березы в осень упали, стоит банный дух. Они выросли и смотрят на меня сверху вниз. Застят желтым глаза. Золотая осень. Как хороши в эту пору платиновые блондинки!

Попутно цветочный магазин «Жасмин» наречь бы «Ужасмин». Что, смешно? Животики надорвали?

Проблема платного туалета внезапно всплывает на греб-

не волны? Не назвать ли его «Ниагара»? А отделения тоже будут именные – имени Ружены Сикоры и имени Витторио де Сики? Санье, Ниссан? Открыть одновременно отделение для карандашей «Сакко и Ванцетти»! И так далее, от пассата до посадобля. Далее при усилиях спонсоров к этому разнообразию присоединится летающий туалет на базе вертолета «Сикорский», для граждан с затруднениями в удовлетворении малого удовольствия. А для любителей высокогорных путешествий Иссык-Куль.

Тем временем возле городского туалета появились магазины «Шанс. Золото» и «Шанс. Оружие». Оно и логично. Сами знаете, что называют золотом в переносном смысле? Кстати, научно и практически доказано, что самым лучшим слабительным оказывается наставленный на тебя автомат Калашникова. Ну и что-нибудь из ружейного ассортимента. Мой внук интересовался продаваемой там рогаткой.

«Нирвана» – такое название я бы дал магазину, где торгуют джинсами повышенной прочности. «Шива» – не индусский бог, а ателье. А если все-таки порвались штанины на острие хребта проблем, или ты побывал в них на станции «Горгона» – гонка по горам в сторону Армани, отнеси их в починку «Аль-Пачино»! Или «Починок», в честь того самого деятеля!

Кстати, вот объявление. Магазины «Азарт» требуется грузчик.

Устал, иди в кафе «Изольда», где торгуют мороженым

и другими изделиями из льда. Их любят матросы и зольдаты. Там сегодня показывают мультфильм про кота Леопольда, а вечером состоится ток-шоу «1500 вольт. Влезай, убьет!» Оттуда – прямой путь в открывшийся на месте магазинчика «Эльдорадо» бар «Этуаль». Название французской парфюмерной империи, наверное, неспроста. Возможно, для любителей тройного одеколона внутрь. Потом-то «Этуаль» переместился в центр, к «Адмиралу», настоящий парфюмерный рай.

А если глобально хочешь изучить международную карту вин, к твоим услугам «Глобус». Не канцелярский магазин, а его тезка – бар. Мы там редакцией нашего Володьку пропили. Ну, свадьба. Потом они по глобусу с малышкой Викой сориентировались, и с Дальнего на Ближний Восток маханули. Живут в теплых краях, скучают по надбавкам и заснеженным сопкам. И отпуск у них лилипутский – 9 дней. И сын уже давно отслужил в армии, в которой не бывает дедовщины.

Соседнюю лавку для огородников, где удобрения и семена, пора завлекательно назвать «Сименон». Но и «6 соток» – тоже неплохо. Для любителей созвучий: к нему покупатели подъезжают на «шестисотых». (Ну, вот разогнался! Нет теперь бара «Глобус». На его месте осталась овальная электрическая вывеска, но текст другой: „Казино-бар «Ва-банк». Далее еще встретится такое название).

Для бодрости загляни в магазин «Бриз», как «брысь».

Торговля ветром. Черный угольный снег. Утрамбованная тропинка на метр возвышается над оголенной землей, а рыхлый снег выдуло ветром. Магазин «Пашок» – иди на запашок. Магазин «Фатьма» отыщешь и впотьмах.

В «Айсберге» за курение штрафлагается – 50 рублей. Вполне вероятно, что это лишь седьмая, надводная часть айсберга! Хорошо хоть, нет поблизости «Титаника». Кстати, сюда было б уместно перевести «Антарктиду», о которой я уже упоминал, она неподалеку от механического завода.

Дошел до кондиции и хочешь купить бумагу для стихов, – пожалуй, в фирменный магазинчик «Канцелярский крысолов». А если неурядок с ушами: допустим, хочешь смыть с них накопившуюся бумажную лапшу, к твоим услугам частный медкабинет «Промоушен».

А как вам туристское агентство «Бол»? Наверное, это боль, только тупая, саднящая, в отличие от более милосердной с мягким знаком? Туристские маршруты по местам боевых ранений и контузий от ударов тупыми предметами по интеллекту. Через несколько лет появился настоящий бол – боулинг. Ему покорны все возрасты. Пятилетние плейбои, мой внук с том числе, отмечают там день рождения. Катают шары, пьют сок с мороженым. Вообще-то я буду королем, – сказал мальчик. – Только корону не буду носить: не модно. А ведь раньше мечтал стать камазистом.

Хорошо бродить по городу, искать жемчужины и перлы изящной словесности. Отыскать какой-нибудь павильончик

«Безымянный»! – на сопке, где поставлен монумент скульптора, пожелавшего остаться Эрнстом Неизвестным. На вершине любят фотографироваться молодожены и самовыражаться вандалы. Сверху хорошо видны бухты – и Нагаевская, и Гертнера, маяки, морские суда. В бинокль от монумента можно отыскать большинство домов, и мой в том числе, – как раз напротив «Восхода». Видите, я как раз сочиняю этот рассказец!

Рык восторга вызвала у меня лет пятнадцать назад фирма «Эзоп», занимавшаяся грузоперевозками на авиации. Правильно, я тоже люблю древнегреческого баснописца, а в годы партийно-советского гнета все пишущие прибегали к эзопову языку. Мы все в каком-то смысле не только русскоговорящие, но и эзопоговорящие люди. А авиация и по сей день – сплошное иносказание. Басня о лисе и винограде.

«Корсар» – так именуется фирменный магазин Магаданской колбасной фабрики. Вот уж где можно колбаситься всласть. Тайное родство магаданских мясников с морскими пиратами стало явным. Наверное, это увеличило спрос крутых колбасоедов, внося свежую струю каннибализма в повседневность. Вот и назовите ливерную колбасу «Ливерпуль»! Кстати, бродя по городу, я наткнулся на колбасный магазин «Виразж». Наверное, круг «Краковской» навеял такое название. Был еще один колбасный магазинчик, тесно соседствующий с одной политической партией. Где он теперь?

Кстати, о пиратах. Это понятие используется в вывесках игровых салонов, а ведь оно больше бы подошло магазинчикам, где торгуют якобы лицензионными дисками и кассетами.

«Аннигиляция» – в Новосибирске у железнодорожного вокзала собственными глазами видел такой магазин. Любители фантастики знают, что материя и антиматерия взаимно уничтожаются, аннигилируют. Поэтому я поспешил от этой вывески подальше. На всякий случай. А в Краснодаре я видел дилерскую контору по продаже автомобилей «Ока». Называлась она «Кнессет».

В Екатеринбурге есть торговая фирма «Агон». Ее владелица, Людмила Владимировна, уверена, что это название означает нечто похожее на «Огонь», но покруче, не догадываясь, что это греческие песнопения. Впрочем, не буду из себя строить всезнайку. Возможно, «агон» – это мужское слово от «агония», как «героин» от «героиня», а полуостров Кони от конопля, которая и не пытается там расти. Или ее вытоптали кони?

В поселке Палатка есть торговая палатка «Фатум». Только она уже несколько лет не работает. Таков, стало быть, у нее фатум, злой рок. Не путать с фатерой и рок-н-роллом.

В самом центре Магадана открылся магазин «А». Я тогда еще сказал приятелям, заслужив их улыбки, что в городе за год произошло два знаменательных события: а) открылся магазин «А», б) отыскался потомок художника Ге. (Это ма-

стер мирового уровня, и его потомку Мише Александровичу, было, чем гордиться.) Прошло много месяцев, магазин «А» круглосуточно одаривает магаданцев продуктами разнообразнейшего ассортимента и высочайшего качества. Там двери приходилось через три месяца менять: протирались до дыр от толчков покупателей. Просто диву даешься, как на такой торговой площади умещалось столько деликатесов. И поэтому название «А» представляется несомненной находкой. Наверное, там приплачивают за знание языка (русского) – в объеме первой буквы алфавита.

(Гм, опять жизнь вносит коррективы. На тех торговых площадях теперь мобильными телефонами торгуют. Теперь ими везде торгуют. Так народ любит поболтать – хлебом не корми).

А вот названия магазина «Альянс» и кафе «Аянс» наводят на мысль об альтернативной грамматике. Наверное, магазин «Антарес» многими воспримется как «интерес», хотя это что-то астрономическое, как объяснял мне в 87-м году председатель клуба самодеятельной песни с таким же названием, кажись, в Теньке. У нас интерес к астрономии тоже сохранился, в основном, в части цен.

Магазин «Кентавр» на берегу речки Магаданки произвел на меня сильное впечатление. Зашел и долго искал по полкам что-то такое, что бы напоминало лошадь с головой человека. Но ничего не нашел, даже конской колбаски из Якутии. Дай, думаю, завтра зайду, поищу на свежую голову.

В одном из гаражных боксов обнаружилась «Планета колготок».

А как вам студия загара «Поцелуй солнца»?

Магазин «Инэй». Может быть, это иней? Да и на Инет похоже.

Магазин «Клякса» появился. Для детей, которые любят что-то делать своими руками. Есть там выжигатель по дереву, множество насадок позволяет прожигать линии различной толщины или оставлять крохотные клейма – красивые.

И еще там наборы для иного химика. Женщина, что служит здесь продавцом, призналась, что сама любит выжигать и химичить. Когда подошел к ней, как раз вышивала какой-то цветочный узор на пальцах, совсем как моя мать.

Магазин «Leon» появился – кожа, мех. Смех и грех. А кости где, шкварки? Ну, кость, вернее, моржовый бивень с художественной гравировкой можно купить в салоне «Магия».

Тут еще один магазин появился в центре – «Эдем». Возможно, следует читать «Едем». Типа целуй меня, я с вокзала. Продают одежду. И это отнюдь не фиговые листки. Да и не фигового качества. Как рифма в стихотворении – магазин «Адам и Ева», тоже одежда. А кто любит магаданскую литературу, должен знать: там, на втором этаже жил писатель Мифт – певец Чукотки. Он открыл, что и во льдах, занесенных снегами, могут кипеть настоящие страсти. Веселый был человек, добрый. Мы с ним как раз возле этого здания позна-

комились. Звали его Альберт. Жена Валентина. Это информация к размышлению о переименовании. А сына назвали Данила. Но не в мою честь. Через дорогу магазин «Мужская одежда». В его оформлении использован образ древнегреческого героя. Одежда на нем такая же, как на Адаме. Классика сильнее разума.

Есть, кстати, еще один синоним рая – «Парадиз». Как раз в том доме, где мы прожили с женой с месяц в маленькой комнате друзей моего друга, уехавших в отпуск. В первую свою магаданскую осень. Но есть и другой «Парадиз» неподалеку – центр здоровья. Там здоровье возвращают при помощи электричества и пара.

А вот придумка уникальная: магазин «Стэлс» – товары для всей семьи. Должно быть, купив те товары, становишься невидим для радаров, как одноименные американские самолеты. (См. далее «Боинг».) Или там одежду-невидимку продают – для новых голых королей? Пытался выяснить у продавца, но она, зайка-несмышленица, лишь пожала округлыми плечиками. Года три я оставался в неведении и вдруг – словно гром с ясного неба – подсказка в рекламе: в магазине том продается нижнее белье! Оно же невидимое – пусть не для радаров, для невооруженного взгляда, под верхней одеждой. Какой образ, а? Какая поэзия!

Открылся салон «Солнечные тату» – наколки там делают. Вообще-то у слова «тату» есть и другой смысл – «папа», если по-украински. Думаю, отец клиентов этого новомодного за-

ведения иначе, чем великовозрастные дети, смотрит на использование кожи и для проповедования своего взгляда использует изделие, именуемое «Ушинский».

Салон «Гермес» появился в центре города. Что бы это значило, – подумал я. В Греции все есть, а в Магадане – греки, которых легко узнать по борцовской шее и смуглому цвету лица. Они греко-римской борьбой занимаются. Где Гермес, где Антиной. И вдруг через окно вижу крышку унитаза. Там можно приобрести душевную душевую установку и счетчики горячей воды. В городе появилось несколько магазинов, где можно купить для семьи от шурупа до теплого полового покрытия, от стеклопакета до электрогенератора, о чем мы так мечтали в 80-х годах. Была блажь, что товары ширпотреба освоят наши заводы. Увы! Не получилось. На этом и надорвался социализм. На непотребном отношении к нуждам обывателя.

Напротив торговый дом открывается – «Гену-Я». Видимо, нелады с падежами. Или с ориентацией. Кстати, на Наровчатова есть теремок «Ирина». Там кто-то поблизости мелом на тротуаре написал: «Ирина! Я тебя люблю!» Мне кажется, там все Ирины хоть раз в день прогуливаются.

Покупательское дело – тонкое, оно и нервов, и души требует. Недаром на приобретение какой-нибудь штукотины женщины могут потратить два часа, до полного нервного истощения, а мы это же самое берем влет, не глядя. Поэтому в городе, да и не только поэтому, а просто из справед-

ливости, женскими именами названо несколько магазинов. А мужским один, – «Вадим». Некоторые – как стихи без названия. Вот одна из последних придумок: «Новая ты» – одежда для женщин.

Мы говорим «Вера», подразумеваем «Надежда». Мы говорим «Надежда», подразумеваем «Любовь». Надежда умирает последней, а любовь никогда. Три женских имени – светлые, как солнышко. Говорят, имя накладывает отпечаток на судьбу. Кому накладывает, кому наливает. Женщины – великомученицы. У нас, мужиков, столь говорящих имен нет. Есть еще Света, она электролампочками торгует. У нее волосы золотистого цвета, сияние на голове. Мне все время хочется назвать ее Электрой, как в Греции.

Название для казино – «Буржуй» логично, как и то, что появилось оно на месте бывшего кинотеатра «Октябрь». Правда, не прижилось. Нынешнее название «Ва-банк» присвоено по следам пожеланий трудящихся. Это казино. Следует, кстати, ожидать появление банка примерно с таким именем: «Казинбанк». Как там внутри, не видел. Наверное, весело. Любят наши нуворишки резаться в картишки. Охотно просиживают и просаживают в день среднюю годовую пенсию. Время – деньги, как говорится. У кого чего нет. Есть деньги, можешь купить время – в выборную компанию. У богатых свои причуды. В том числе такие, что бедных и нищих в стране не убавляется. Но отнять и поделить – плохой принцип, говорят богатые. Им одним приходится за всех от-

дуваться – покупать «Челси», строить яхты, играть на ценных бумагах соло, хотя бумага и не такое стерпит. Особенно наждачная. Теперь и казино позакрывали, но, согласитесь, из песни слова не выкинешь, особенно если она без слов.

Вполне можно ожидать появления «Мироода» – магазина, где продукты мирового класса собраны со всего белого света. Собственно говоря, и теперь ассортимент разнообразный. Это настраивает торговую интеллигенцию на шуточный лад. По части скидок и пищевых добавок. Вот магазин «Домино» как аннотирован: магазин для пионеров и пенсионеров. Мой маленький внук пока не уловил здесь изюминку, а вот когда ребенок попросил купить сухарики «кириешки», и я сказал, что идем в магазин «Волна», он разулыбался, посмотрел мне в глаза снизу вверх и спросил: «Волна? Деда, это шутка?»

«Нет, вовсе не шутка. Там еще кошка белая живет. Один глаз голубой, другой зеленый. Мы как-нибудь сходим, поздороваемся».

Но больше всего малышу нравится кораблик, которым оформлен ресторан через дорогу. Он даже намеривался как-то образом увезти его на Марчекан и спустить на воду.

В центре новый магазин открыли, «Лалита». Специально нашел одноименный роман, проверил – Лолита. Наверное, с Аэлитой спутали. Кстати, название недолго продержалось, и никто его не помнит, а вот у меня оно осталось в блокноте. Есть вообще-то проблема изменения названий. Будто

женщина выходит замуж и берет фамилию мужа. Например, «Детский мир» возле телевизки. Лет пятнадцать, как новый владелец его переназвал. А не приживается. Язык не поворачивается. Не срослось название «Муниципальный центр культуры». Всякий раз переспрашивают: «Это Дворец культуры профсоюзов, что ли?»

Мне легче произнести: «Старые Спорттовары», чем новое название. Там позже был магазин местных товаров, затем «Башкирские авиалинии», в соседях с «Башкирским медом», а потом поселилось другое аэроагентство. Башкирских авиаторов надломила та авиакатастрофа в чужом небе над озером, в которой погибли дети.

Так и не смылось в памяти старожилов название «Политпросвет», то есть «Дом политического просвещения», хотя со времен компартии он успел побыть гуманитарным лицом, а теперь там Дворец молодежи. Иногда и фильмы крутят, поскольку в кинотеатрах у нас другие учреждения. Например, в «Звезде» теперь церковь. Кино перестало быть важнейшим из искусств. Уступило место театру еды, танцам живота, и каждый поп-артист считает своим долгом рассказать, как он мастерски готовит яичницу.

Магазин «Мелодия» до поры до времени сохранил название, поменяв профиль. Какое-то время там продавалось продовольствие, правда, и оно бывает музыкальным: «Щас спою!» А теперь там всякая всячина – от одежды до телефонов. Но мелодического нет ничего. Я там трусы купил, ко-

которые сшили вольные поселенцы в Сенокосном. Достойный товар, надо заметить. В таких хоть в Африку пешком! Руссо туристо – бумчики бумс. Ну и логичен следующий шаг – превратиться в «Адидас».

Сохранил название «Восход» выкупивший этот универмаг местный олигарх, а для колорита добавил аквариум с небольшой акулой. Возможно, как символ свободного предпринимательства. Все почему-то думают, что она – заводная японская игрушка. А мой внук уверен, что живущие в аквариуме рыбки и сама акула разговаривают, только их не слышно. Без микрофона потому что.

Магазин «Фараон» недавно открылся возле моего дома. Торгует мебелью и коврами. А раньше там была аптека, с ней связано немало воспоминаний. Там я встретил коллегу, был он тогда в славе и чести. Трость покупал, чуть больше полгода прошло – умер от рака, теперь нет таких ярких скандалистов. До аптеки торговали в том помещении медтехникой, а еще раньше детская поликлиника располагалась. Чехарду-евина какая-то.

Мебельный магазин «Соло». Неспроста назвали. Где мебель, там дерево, а где дерево, там фанера. Там и пение со-ло в лучших традициях – под фанеру. Лучше бы пели под цельное дерево! Ведь недаром «свой в доску», а не в фанеру! За пение под фанеру платят полноценными деревянными рублями. А наша лиственница в Венеции семьсот лет выдерживает в воде в качестве свай. Вот под такое дерево песню

клады! («Венеция» название парикмахерской, рядом с пивной «Старый Таллинн», в девичестве бар «777». Перекликается с ногтевой студией «Валькирия»).

Есть и другое объяснение соло: в музыкальном термине слышится «сало», а наркотическая зависимость от этого продукта сидит в подавляющем большинстве населения страны, даже если запрещают религия и медицина. Выпил рюмку-другую, салом закусил, и – лейся песня, хоть залейся! Тут, кстати, было одно специфическое заведение, названное в честь столицы, вызывающей у старшего поколения положительные эмоции – «Прага» (Мне иногда слышится «брага»). Бойцы вспоминали там минувшие дни. Нашлись возможности продать им фронтовые сто грамм чуть дешевле, чем молодым алкашам. И вот как-то иду мимо, скидываю голову на уровень второго этажа, а «Праги» как ни бывало. Теперь здесь продают лампочки, выключатели и провода. Я не удержался, поднялся по железной лестнице, купил удлинитель.

А вот, кстати, строительная компания «Артиндустрия». Не без влияния «фабрики звезд».

Мебель – она поет, когда от усталости поджилки гудут. Так ведь и диван – понятие не столь уж однозначное. Не только мебель, но и сборник восточной поэзии. Лежишь на диване, читаешь диван – разве плохо? Тем более что есть в Магадане один реальный литератор, который увлекся мебельным бизнесом, а дочурка у него выросла и стала психо-

логиней и поэтессой. Диссертацию защитила и поэтический диван выпустила.

Известная в городе лингвистка как-то сказала, что к ним на кафедру русского языка обратились за консультацией: мол, не будет ли неправильно, если назовут магазин «Диван да Марья»? Мне неведомо, какой был ответ, но магазин такой открылся в районе китайского рынка.

Современная реклама по изобразительным возможностям вплотную приближается к фильмам ужасов. Стучат колеса поезда, и это при отсутствии в Магадане железной дороги, отодвигается крышка купе, на самом деле это шкаф-купе, в котором жена спрятала своего мужа от грозного любовника. Торговый дом забавляется.

Тут у нас праздновали День города. Дима Билан приехал. На стадионе его слушало более восьми тысяч человек, кроме того, в близстоящих домах сколько-то: сквозь приоткрытые окна. На звук не скупилась, всем было слышно. Мне в том числе. Я и подумал: сработает ведь музыкально-покупательный рефлекс, возрастет количество продаж корпусной мебели торговым домом «Белана». Может, стоит рекламу подправить? Отодвигается дверь шкафа, а там молодой человек, вылитый Дима Билан, такой родной, жаворонком заливается, любимец муз! Если каждый поклонник Димы купит по мебельному гарнитуру «Купидон», то это будет самая крутая раскрутка, и конкурирующей мебельной системе «Соло» придется переквалифицироваться в филармонию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.